

ФИЛИП К. ДИК

ПОМУТНЕНИЕ

**PHILIP
K. DICK**

Филип Дик

Помутнение

«ЭКСМО»

1977

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф. К.

Помутнение / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1977

ISBN 978-5-699-88520-6

Ближайшее будущее. Боб Арктур ведет иллюзорное существование в непрекращающихся наркотических видениях. Когда-то они создавали для него теплый мир эйфории и покоя, теперь же все изменилось, и прежняя безмятежность мало-помалу сменяется кошмаром. Боб уже знает, что его видения вышли из-под контроля. Но он также знает, что и сам он не тот, за кого себя выдает. Он – не наркоман. У него есть и другая ипостась, которая никак не связана с травой, колесами, дурью. Видения – это не видения. Реальность – не реальность. Он – не он. Нужно только понять, какое из его воплощений главное.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-88520-6

© Дик Ф. К., 1977

© Эксмо, 1977

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Филип К. Дик

Помутнение

Philip K. Dick

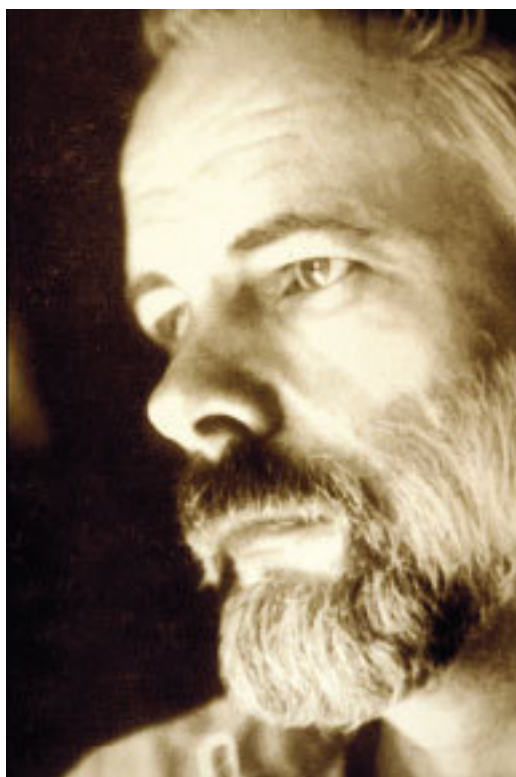
A SCANNER DARKLY

© 1977, Philip K. Dick. All rights reserved

© В. Баканов, А. Круглов, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Филип К. Дик (1928–1982) – американский писатель, ставший классиком мировой литературы благодаря своему неповторимому стилю, оригинальным научным концепциям, которые легли в основу его парадоксальных сюжетов, и исключительно тонкому психологизму. Творчество Дика теснейше сплелось с его биографией, до предела наполненной противоречиями и загадками, – порой невозможно отличить вымысел от того, что действительно происходило с автором.

Гениальнейший писатель-фантаст в мире.

Джон Браннер

Дик показывает все те пугающие перспективы, которых старательно избегают другие авторы.

Пол Уильямс, Rolling Stone

Величайший экстраполятор всех страхов современности.
New York Daily News

Глава 1

Жил на свете парень, который целыми днями вытряхивал из волос букашек. Терпя от них неслыханные мучения, он простоял как-то восемь часов под горячим душем – и все равно букашки оставались в волосах и вообще на всем теле. Через месяц букашки завелись в легких.

Не в силах ничего другого делать и ни о чем другом думать, он начал исследования жизненного цикла букашек и с помощью энциклопедии попытался определить, какой конкретно тип букашек его одолевает. К этому времени букашки заполнили весь дом. Он проработал массу литературы и наконец решил, что имеет дело с тлей. И с тех пор не сомневался в своем выводе, несмотря на утверждения знакомых: мол, тля не кусает людей...

Бесконечные укусы превратили его жизнь в пытку. В магазине «7–11», одной из точек бакалейно-гастрономической сети, раскинутой почти по всей Калифорнии, он купил аэрозоли «Рейд», «Черный флаг» и «Двор на замке». Сперва опрыскал дом, затем себя. «Двор на замке» подействовал лучше всего.

В процессе теоретических поисков тот парень выделил три стадии развития букашек. Во-первых, они были с целью заражения занесены к нему теми, кого он называл «людьми-носителями». Последние не осознавали своей роли в распространении букашек. На этой стадии букашки не обладали челюстями, или мандибулами (он познакомился с этим словом в результате многонедельных академических изысканий – весьма необычное занятие для парня, работавшего в мастерской «Тормоза и покрышки» на смене тормозных колодок). Люди-носители, таким образом, не испытывали неприятных ощущений.

У него появилась привычка сидеть в углу своей гостиной и с улыбкой наблюдать за входящими людьми-носителями, кишачими тлей в данной «некусательной» стадии.

– Ты чего скалишься, Джерри? – спрашивали они.

А он просто улыбался.

На следующей стадии букашки отращивали крылья или что-то типа того, в общем, какие-то специальные отростки, которые позволяли тлям роиться – таким способом они распространялись, попадая на других людей, особенно на Джерри. Теперь эти твари так и клубились в воздухе – в гостиной и во всем доме. Джерри старался не вдыхать их.

Больше всего ему было жаль собаку: он видел, как зловредные насекомые садятся на нее, покрывая сплошным ковром, – и тоже наверняка попадают в легкие. Джерри чувствовал, что бедный пес страдает не меньше его самого. Может, отдать его кому-нибудь, чтобы не мучился? Нет, решил он, нет смысла, собака все равно заражена, и букашки останутся при ней.

Иногда он брал собаку под душ, стараясь отмыть и ее. Но душ не приносил облегчения. У Джерри сердце разрывалось от мук животного, и он повторял попытки снова и снова. Пожалуй, это было самое тяжелое – страдания бессловесной твари.

– Какого черта ты торчишь под душем с чертовой собакой? – спросил однажды Чарлз Фрек, приятель Джерри, застав его за этим занятием.

– Я должен извести тлей, – ответил Джерри, вынося Макса из душа и доставая полотенце. Чарлз Фрек изумленно смотрел, как он втирает в шерсть пса детский крем и тальк.

По всему дому валялись баллончики аэрозолей, бутылки талька и банки крема. Большею частью пустые – каждый день их требовалось невероятное количество.

– Я не вижу никаких тлей, – заметил Чарлз. – Какая такая тля?

– В конце концов она тебя прикончит, – мрачно буркнул Джерри. – Вот что такое тля. Ее полно в моих волосах, и на коже, и в легких. Боль невыносимая – мне, наверное, придется лечь в больницу.

– Как же это я их не вижу?

Джерри отпустил собаку, закутанную в полотенце, и встал на колени перед ворсистым ковриком.

– Сейчас покажу, – пообещал он.

Коврик кишел букашками: они повсюду скакали и прыгали – вверх-вниз, вверх-вниз, одни повыше, другие пониже. Джерри искал самую крупную особь, так как его гости почему-то с трудом могли их рассмотреть.

– Принеси мне бутылку или банку. Там, под раковиной. Потом я отволоку их доктору для анализа.

Чарлз Фрек принес банку из-под майонеза. Джерри продолжал поиски, и наконец ему попалась тля длиной в дюйм, подпрыгивающая по крайней мере на четыре фута. Он поймал ее, бережно опустил в банку, завернул крышку и торжествующе спросил:

– Видишь?!

– У-у-у, – протянул Чарлз Фрек, широко раскрыв глаза. – Ну, здоровая...

– Помоги мне отловить еще, для доктора, – попросил Джерри.

– Само собой, – сказал Чарлз и тоже опустился на колени.

За полчаса они набрали три полные банки букашек. Фрек, хоть и новичок в таких делах, поймал, пожалуй, самых крупных.

Все это происходило в июне 1994 года в Калифорнии, в одном из дешевых, но пока не покосившихся домов из пластика, давным-давно брошенных добропорядочными. Джерри еще раньше покрыл окна металлической краской – чтобы не проникал солнечный свет. Комнату освещали горящие круглосуточно яркие лампы. Ему это нравилось: он не любил следить за ходом времени. Так можно было сосредоточиться на важных делах, не боясь, что тебе помешают. Например, ползать сколько угодно на коленях по ковру, наполняя букашками банку за банкой.

– А что мы получим? – спросил Чарлз Фрек. – В смысле, за них положена премия или как? Док отвалит монету?

– Мой долг – найти способ лечения, – сказал Джерри.

Боль, не ослабевавшая ни на минуту, становилась невыносимой – он так и не привык к ней и знал, что никогда не привыкнет. Его охватило непреодолимое желание снова принять душ.

– Слушай, друг, – выдохнул Джерри, разгибая спину. – Ты продолжай, а мне надо отлить. И вообще. – Он двинулся в ванную.

– Ладно. – Чарлз неловко повернулся, стоя на коленях, покачнулся, но не выпустил очередную тлю из рук и затолкал ее в банку – координация у него пока еще была неплохая. А потом добавил неожиданно: – Джерри, эти букашки... мне от них как-то не по себе. Я не хочу оставаться здесь один. – Он поднялся на ноги.

– Трусливый ублюдок, – задыхаясь от боли, выдавил Джерри, остановившись на секунду на пороге ванной.

– А ты не мог бы...

– Я должен отлить! – Он захлопнул дверь и крутанул кран.

– Мне страшно! – в панике завопил Чарлз Фрек. Его голос был едва слышен из-за шума воды.

– Тогда пошел на хрен! – заорал Джерри и ступил под душ. На кой черт нужны друзья, с горечью подумал он. Какой в них смысл?

– Эти сволочи кусаются? – закричал под дверью Чарлз.

– Да! – ответил Джерри, втирая в волосы шампунь.

– Я так и думал. – Он помолчал. – Можно я помою руки, выйду с банками на улицу и подожду тебя снаружи?

Дрянь паршивая, с горькой яростью подумал Джерри, но не ответил, а продолжал мыться. Ублюдок не заслуживал ответа... К черту Чарлза Фрека, надо заниматься собой, своими собственными проблемами – огромными, смертельными, неотложными. Все остальное подождет. Скорее, скорее, откладывать нельзя! Все остальное не важно. Вот только собака... как быть с Максом...

* * *

Чарлз Фрек позвонил одному типу, у которого, как он надеялся, мог быть запас.

– Можешь дать мне десяток смертей?

– Да у меня хоть шаром покати, самому позарез нужно. Ты свистни, если набредешь на что-нибудь.

– А что с поставками?

– Не знаю, может, накрыли.

Чарлз повесил трубку и по пути от телефонной будки – никогда не делай закупочных звонков из дома – до машины быстро прокрутил один глюк. В этой фантазии он ехал мимо дешевой аптеки Трифти и увидел колоссальную витрину: бутылки медленной смерти, банки медленной смерти, склянки, и канистры, и бидоны, и цистерны медленной смерти, миллионы таблеток, и капсул, и доз медленной смерти, медленной смерти, смешанной с «рапидами»,¹ и барбитуратами, и психоделиками,² – и гигантская вывеска: НИЗКИЕ-НИЗКИЕ ЦЕНЫ, САМЫЕ НИЗКИЕ В ГОРОДЕ.

На самом деле в витрине Трифти никогда ничего не было, только разные гребешки, кремы, дезодоранты и прочая дрянь. Но готов поспорить, думал Чарлз, выезжая со стоянки на Портовом бульваре и вливаясь в послеобеденный поток, что там, в кладовке, под семью замками, лежит медленная смерть – чистая, ни с чем не смешанная... Пятидесятифунтовый мешок.

Любопытно, когда и как доставляют пятидесятифунтовые мешки препарата «С»... Бог знает откуда – может, из Швейцарии, а может, вовсе с другой планеты, где у ребят башка варит... Должно быть, привозят товар рано поутру – с охраной зловещего вида, вооруженной лазерными винтовками. Только попробуй посягнуть на мою медленную смерть, подумал он, представив себя на месте охранника, и я тебя испепелю.

А что, ведь препарат «С» запросто может входить в состав любого разрешенного лекарства! Если, конечно, оно чего-нибудь стоит... Щепотка здесь, щепотка там – по секретной эксклюзивной формуле, которую изобрели где-нибудь в Германии или Швейцарии. Хотя все это чушь, конечно, – власти хватили любого, кто продавал, перевозил или глотал препарат «С», – так что аптеку Трифти, да и вообще все аптеки давно бы уже тогда разбомбили, выкинули из бизнеса или хотя бы оштрафовали. Скорее только оштрафовали бы: у них наверняка есть лапа где надо. С целой сетью больших аптек не так-то просто справиться.

В общем, ничего там нет, кроме обычного хлама.

На Чарлза напала хандра: в его загашнике осталось всего триста таблеток медленной смерти. Зарыты на заднем дворе, под камелией, той самой, гибридной, с шикарными крупными цветами, которые не боятся жаркого солнца. Только недельный запас, подумал он с тревогой. А что потом, когда они закончатся? Черт!

А что будет, если запас кончится у всех в Калифорнии и Орегоне? В один и тот же день, опаньки!... Самый крутой глюк-ужастик, какой только мог привидеться наркоману. У всех в западной части Соединенных Штатов одновременно кончается запас, часов этак в шесть утра

¹ Наркотик из группы стимуляторов (*жарг.*). (Здесь и далее – прим. перев.)

² Психоделические наркотики.

в воскресенье, когда добропорядочные еще только одеваются, чтобы идти в свою долбаную церковь. Картина маслом: Первая епископальная церковь в Пасадене, восемь тридцать утра, воскресенье Всеобщей Ломки.

– Возлюбленные прихожане, вознесем молитву к Господу, дабы облегчил Он муки тех, кто бьется на своих постелях в ожидании дозы!

– Аминь! – Все становятся на колени.

– Но прежде чем Он явится с новым запасом...

Черно-белые³ что-то явно заподозрили. Они выехали со стоянки и держались рядом, пока без мигалки и сирены, но... Может, я вливаю или еще что, подумал он. Распроклятые легавые меня засекли. Хотел бы я знать, что им не понравилось.

Коп:

– Фамилия?

– Фамилия? (*Никак не приходит в голову!..*)

– Не знаешь собственной фамилии? – Коп подмигивает своему напарнику. – Этот парень совсем забалдел.

– Не расстреливайте меня здесь! – взмолился Чарлз Фрек в своем глюке, вызванном видом черно-белой машины. – По крайней мере, отвезите меня в участок и расстреляйте там, подальше от глаз!

Чтобы выжить в этом фашистском полицейском государстве, подумал он, надо всегда знать фамилию, свою фамилию. При любых обстоятельствах. Первый признак, по которому они судят, что ты наширлся, – если не можешь сообразить, кто ты, черт побери, такой!

Вот что, решил Чарлз, подъеду-ка я к первой же стоянке, сам подъеду, не дожидаясь, пока начнут сигналить, а когда они остановятся, скажу, что у меня поломка.

Им это дико нравится. Когда ты отчаиваешься и сдаешься. Валишься на землю, словно выдохшаяся зверюга, и подставляешь свое незащитное брюхо. Так я и сделаю.

Так он и сделал. Принял вправо и остановился у тротуара, вплотную к бордюру.

Патруль проехал мимо.

Зря это я, в такой поток машин трудновато будет опять вписаться. Чарлз выключил зажигание. Посижу-ка я так, решил он, дам волю альфа-волнам, поброжу по разным уровням сознания. Или понаблюдаю за девочками. Изобрели бы биоскоп для возбужденных. К черту альфа – секс-волны! Сперва коро-о-тенькие, потом длиннее, длиннее, длиннее... пока не зашкалит.

Впрочем, все это ерунда... Главное – найти кого-нибудь, у кого есть таблетки. Надо пополнить запас, не то я скоро полезу на стену. И вообще ничего не смогу делать. Даже сидеть вот так. Не только забуду, кто я такой, но и где я и что происходит.

Что происходит, спросил он себя. Какой сегодня день? Если б знать, какой день, все было бы нормально... Постепенно пришло бы и остальное.

Среда, деловая часть Лос-Анджелеса. Впереди – один из тех гигантских торговых центров, окруженных стеной, от которой отскакиваешь, словно резиновый мячик, если у тебя нет кредитной карточки и ты не можешь пройти в электронные ворота. Карточки, разумеется, Чарлз не имел и потому знал, на что похожи магазины там, внутри, только по рассказам. Наверное, там есть все на свете, хорошие вещи – для добропорядочных, в основном для их жен. Вооруженные охранники стояли у ворот и проверяли каждого, кто шел с карточкой, – не украдена ли она, не куплена ли с рук, не подделана ли. Толпы людей входили и выходили, но, рассудил Чарлз, большинство наверняка шли просто поглазеть на витрины. Не может такого быть, чтобы столько народу имели монету или им приперло покупать что-то в это время... Еще рано, всего третий час. Вот вечером – другое дело. Все витрины залиты светом. Он не

³ Цвет полицейской машины.

раз видел этот свет снаружи, настоящую радугу разноцветных огней – парк развлечений для великовозрастных детишек.

Магазины по эту сторону ворот, где не требовалась кредитная карточка и не было вооруженной охраны, ничего особенного собой не представляли. Только самое необходимое: обувь, телевизоры, булочная, мелкий ремонт, прачечная. Девушка в короткой синтетической курточке и обтягивающих брюках бродила от лавки к лавке. Волосы классные, но лица не видно – непонятно, хорошенькая или нет. Фигурка ничего себе. Вот она задержалась у витрины с кожаными вещами, достала кошелек и стала вглядываться в него, напряженно что-то высчитывая. Сейчас войдет и попросит что-то показать, подумал Чарлз. Так и есть – впорхнула в магазин.

Мимо прошла другая девушка – в легкой блузочке, на высоких каблуках, волосы серебристые, вся наштукатурена. Хочет выглядеть постарше, отметил он. Еще небось школу не окончила. После нее не было ничего стоящего, и Чарлз снял резинку, закрывающую «бардачок», достал пачку сигарет и настроился на станцию, передававшую рок. Раньше у него был кассетник, но однажды, изрядно нагрузившись, он оставил его в машине. Естественно, когда вернулся, того и в помине не было. Сперли. Вот к чему приводит безалаберность. Осталось только паршивое радио. Когда-нибудь и его стянут. Ничего, можно достать другое, подержанное, практически «за так». Да и все равно машине пора на слом – маслосъемные кольца ни к черту, компрессия упала. Очевидно, запорол двигатель – прогорели клапаны, – когда гнал по шоссе домой с полным грузом травки. Под кайфом он порой начинал психовать – не из-за копов, а потому что боялся, что грабанет кто-нибудь из своих. Какой-нибудь вконец ошизевший торчок, которого ломает.

Проплыла девушка, невольно обращавшая на себя внимание. Черные волосы, хорошенькое личико, открытая рубашка и застиранные белые брючки. Э, да я ее знаю, подумал Чарлз. Это Донна, подруга Боба Арктора.

Он вылез из машины. Девушка окинула его взглядом и зашагала дальше. Чарлз пошел за ней. Наверное, решила, что я хочу ее потискать, подумал он, пробираясь сквозь толпу. Ничего себе шлепает, уже едва видно. Оглянулась. Лицо уверенное, спокойное... Большие глаза, взгляд оценивающий. Прикидывает, догоню ли. Если не поспешу, то вряд ли – ходит она неплохо.

На углу толпа встала перед светофором – машины бешеным потоком выворачивали справа. Однако девушка продолжала идти, быстро и с достоинством лавируя между ними. Водители смотрели на нее с возмущением, но она никак не реагировала.

Дождавшись сигнала «идите», Чарлз нагнал ее и окликнул:

– Донна!

Она не замедлила шага.

– Разве ты не подруга Боба? – спросил он, забежав вперед, чтобы заглянуть ей в лицо.

– Нет, – отрезала девушка. – Нет. – И пошла прямо на него, а Чарлз попятился и отступил, потому что в ее руке появился короткий нож, нацеленный ему прямо в живот.

– Пошел вон, – сказала она, продолжая двигаться вперед без тени колебания.

– Это же ты, я тебя видел... – растерялся Чарлз.

Нож был едва заметен, блестела лишь узкая полоска лезвия, но он знал: это нож. Она запросто пырнет его и пойдет дальше. Чарлз попятился, возмущенно пытаясь объяснить, и отошел в сторону, а девушка зашагала дальше, не говоря ни слова.

– Черт! – пробормотал он, глядя ей в спину.

Точно Донна. Она просто сразу не въехала. Испугалась, наверное, подумала, что он станет приставать. Надо быть поосторожней, когдаходишь на улице к незнакомке, – они все теперь хорошо подготовлены. Через многое прошли... Дерьмовый ножичек. Девушке не стоит такой носить – любой парень спокойно может вывернуть ей запястье и направить нож на нее. И я бы

мог, если бы в самом деле ее хотел, подумал Фрек, раздраженно стиснув зубы. Я точно знаю – это она, Донна.

Возвращаясь к машине, Чарлз заметил, что девушка остановилась, сразу выделившись из толпы пешеходов, и молча смотрит на него.

Он осторожно приблизился.

– Как-то ночью, – начал он, – я, Боб и еще одна цыпочка слушали старые записи Саймона и Гарфункеля, а ты...

...Она тогда набивала капсулы высококласной смертью. Эль Примо. Нумеро Уно. Смерть. Потом раздала по дозе каждому, и мы закинулись, все вместе – все, кроме нее. «Я только продаю, – объяснила она. – Если я начну глотать их сама, то проем весь доход».

– Я думала, что ты собираешься сбить меня с ног и трахнуть, – сказала девушка.

– Нет, просто хотел подвезти... Прямо на дороге? – спросил Чарлз ошарашенно. – Среди бела дня?

– Ну, может, в подъезде. Или затащишь в машину...

– Но ведь мы с тобой знакомы! – возмутился он. – Да и Арктор меня бы просто пришел.

– Я тебя не узнала. – Она сделала шаг вперед. – Я близорука.

– Надо носить линзы, – посоветовал Чарлз.

У нее очаровательные большие, темные, теплые глаза, подумал он. Значит, она не сидит на игле.

– Были у меня линзы. Но как-то раз на вечеринке одна упала в чашу с пуншем. Пунш с кислоткой. Упала на самое дно; кто-то, наверное, зачерпнул ее и проглотил. Надеюсь, бедолага словил кайф – линза обошлась мне в тридцать пять баксов.

– Так что, подбросить тебя?

– Ты меня трахнешь в машине.

– Нет, – сказал Чарлз. – Не смогу – у меня в последнее время проблемы. Наверное, что-то подмешивают в травку. Какую-то химию.

– Ловко придумано. Однако меня не проведешь. Все меня трахают, – призналась она. – Во всяком случае, пытаются. Такова наша доля. Я сейчас сужусь с одним парнем. За сексуальное домогательство. Хочу получить возмещение ущерба в сорок тысяч.

– А как далеко он зашел?

– Схватил меня за грудь.

– За сорок-то тысяч?..

Они направились к машине.

– У тебя есть что-нибудь на продажу? – спросил Чарлз. – Дела совсем паршивые. Я на нуле, практически на полном нуле. Взял бы даже несколько штук, если поделишься.

– Попробую достать.

– Только закидывать – я не ширяюсь.

– Ладно, – задумчиво произнесла Донна, опустив голову. – Но сейчас их трудно достать – почти все вышли. Ты, наверное, заметил. Много не смогу, хотя...

– Когда? – нетерпеливо прервал ее Чарлз. Они подошли к машине, он открыл дверцу и сел. Донна села с другой стороны, рядом с ним.

– Послезавтра, если свяжусь с одним парнем.

Черт, подумал он. Послезавтра.

– А раньше никак? Может, сегодня вечером получится?

– Не раньше, чем завтра.

– И почему?

– Шестидесят за сотню.

– Ничего себе, – скривился Чарлз. – Обдираловка.

– Вещь – суперкласс. Я брала у него раньше. Совсем не то, к чему ты привык. Можешь мне поверить – они того стоят. Я вообще брала бы только у него, если бы могла, да у него не всегда есть. Понимаешь, он только что вернулся с юга и выбирал товар сам, так что качество отличное. И не нужно ничего платить вперед, деньги потом, когда все будет у меня. Я тебе верю.

– Я никогда не плачу вперед.

– Иногда приходится.

– Ну ладно. Можешь достать хотя бы сотню? – Чарлз попытался быстро прикинуть, сколько он сумеет реально купить – за два дня, пожалуй, удастся найти сто двадцать баксов и взять у нее две сотни. А если тем временем подвернется что-нибудь повыгодней у других поставщиков, то о ней можно и забыть. Вот почему хорошо не выкладывать монету вперед.

– Тебе еще повезло, – добавила Донна, когда Чарлз завел двигатель и выехал на дорогу, – через час я должна встретиться с одним типом, и он, наверное, взял бы все, что я раздобуду, – тогда бы тебе не повезло. Твой счастливый день.

Она улыбнулась, и Чарлз улыбнулся в ответ.

– Хорошо бы поскорее.

– Постараюсь... – Донна открыла сумочку и вытащила маленькую записную книжку и ручку. – Как мне с тобой связаться? Да, кстати, я забыла, как тебя зовут?

– Чарлз Б. Фрек.

Он продиктовал ей номер телефона – не своего, разумеется, а одного друга из добропорядочных, который передавал ему подобные послания, – и она тщательно записала его. С каким трудом она пишет, еле царапает... И чему только их учат в школе! Почти неграмотные все. Зато хорошенькая. Едва умеет читать и писать? Плевать! Что у телки важно, так это красивые сиськи.

– Я тебя, кажется, припоминаю, – сказала Донна. – Кажется. Я вообще не очень помню тот вечер, я тогда в стороне держалась. Помню только, как набивала порошок в маленькие капсулы от либриума. Я еще просыпала часть на пол. – Она задумчиво посмотрела на него. – А ты вроде парень ничего. Будешь потом брать еще?

– Спрашиваешь, – ответил Чарлз Фрек, прикидывая, как бы успеть найти товар подешевле. В любом случае дело в шляпе. Счастье, подумал он, это знать, что у тебя есть травка.

Людские толпы, солнечный свет и вся дневная суeta скользили мимо него, не касаясь, – он был счастлив.

Паршивые копы вдруг сели ему на хвост – и посмотрите, как повезло! Совершенно неожиданный новый источник препарата «С»! Что еще нужно человеку? Теперь можно смело рассчитывать на две недели – почти полмесяца жизни. Две недели!.. Его сердце возликовало, и Чарлз на мгновение ощутил дурманящий аромат весны,рывающийся в окна машины.

– Поедешь со мной к Джерри Фабину? Я отвожу ему шмотки в федеральную клинику номер три, его забрали вчера ночью. Беру понемногу, а то вдруг его выпишут и придется переть все назад.

– Лучше мне с ним не встречаться, – сказала Донна.

– Ты его знаешь? Джерри Фабина?

– Джерри думает, что именно я заразила его букашками.

– Тлей.

– Тогда он не знал, что это тля... Лучше мне не лезть – в прошлый раз он как с цепи сорвался. Все дело в рецепторных зонах мозга – по крайней мере я так думаю. И в правительственных бюллетенях так объясняют.

– Это лечится?

– Нет.

– В клинике обещали свидание. Говорят, что он, пожалуй, мог бы... – Чарлз повел рукой. – Ну, не то чтобы... – Он снова сделал жест рукой – ему трудно было сказать *такое* о своем друге.

Донна бросила на него подозрительный взгляд.

– Уж не поврежден ли у тебя речевой центр? В твоей... как там ее... затылочной доле.

– Нет, – ответил Чарлз энергично.

– А вообще какие-нибудь повреждения? – Она постучала себя по голове.

– Нет. Просто, понимаешь, ненавижу эти чертовы клиники... Однажды я навещал парня... Он пытался натирать пол... то есть, я имею в виду, он просто не мог понять, как это делается... Что меня достало, так это то, что он все равно старался. Не просто час или два; через месяц, когда я опять пришел, он все еще пытался, снова и снова, так же как и в первый раз, когда я его видел. Никак не мог взять в толк, почему у него не получается. Я помню его лицо: он был уверен, что сделает все правильно, если поймет наконец, в чем его ошибка. И постоянно спрашивал: «Что я делаю не так?» А объяснить ему ничего было нельзя, то есть они там объясняли, и я объяснял, а он никак не мог понять.

– Я читала, что рецепторные зоны в мозгу обычно отказывают раньше всего, – спокойно проговорила Донна, разглядывая соседние машины. – Смотри, впереди один из тех новых «Порше» с двумя двигателями! – Она возбужденно указала пальцем. – Ух ты!

– Я знал парня, угнавшего такой «Порше», – сказал Чарлз. – Вывел машину на Риверсайд, разогнался до семидесяти пяти – и в лепешку. Въехал прямо в какой-то трейлер. Думаю, он его и не заметил.

У него немедленно пошел глюк: он сам за рулем «Порше», но трейлеры замечает, замечает вообще все на свете. И все на шоссе – Риверсайд в час пик, – безусловно, замечают его: такой стройный, широкоплечий, неотразимый чувак в новеньком «Порше», делающем двести миль в час, – и полицейские беспомощно разезают вслед рты.

– Ты дрожишь, – сказала Донна и опустила руку на его локоть. Какая нежная рука – прямо мурашки по коже. – Притормози.

– Я устал, – пожаловался Чарлз. – Две ночи и два дня считал букашек. Считал и засовывал в банки. А когда мы на следующее утро понесли их в машину, чтобы показать доктору, там ничего не оказалось. Пустые банки. – Теперь он сам почувствовал свою дрожь, заметил, как трясутся руки на руле. – Ничего ни в одной чертовой банке. Никаких букашек. И тогда я понял, я понял, черт побери!.. До меня дошло: Джерри испекся. Ошизел.

Воздух больше не пах весной. Мучительно потянуло принять дозу препарата «С». К счастью, у него был еще небольшой походный запас в «бардачке», и он стал искать парковку, чтобы остановиться.

– Ты и сам хорош, – сказала Донна. Голос девушки звучал отстраненно, она как будто ушла в себя. Наверно, ее достала его дурацкая езда. Скорее всего.

У него вдруг пошел новый глюк. Перед глазами возник большой припаркованный «Понтиак», стоявший задним мостом на домкрате. Домкрат опасно накренился; длинноволосый мальчишка лет тринадцати, вызывая о помощи, пытался удержать машину. Они с Джерри Фабинном выбежали из дома. Чарлз схватился за дверцу со стороны водителя, пытаясь открыть ее, чтобы поставить на тормоз, а Джерри – в одних брюках и босиком, со спутанной после сна шевелюрой – обежал машину и голым белым плечом, никогда не видевшим солнца, сшиб мальчишку, откинув его в сторону. Домкрат наклонился еще больше, и машина упала задом на землю. Мальчишку не задело.

– Слишком поздно было тормозить, – выдохнул Джерри, пытаясь откинуть засаленные волосы с глаз и часто мигая. – Не успели бы.

– Он в порядке? – крикнул Чарлз Фрек. Сердце его бешено колотилось.

– Да. – Джерри стоял рядом с мальчиком, пытаясь отдышаться. – Черт! – яростно заорал он. – Я же говорил тебе: подожди, сделаем вместе!.. Идиот, когда домкрат падает, тебе не удержать в руках две тонны веса! – Его лицо исказилось от гнева. Парнишка выглядел несчастным и виновато смотрел в землю. – Сто раз тебе твердил!

– Я хотел нажать на тормоз, – попытался объяснить Чарлз Фрек, прекрасно сознавая собственную идиотскую ошибку, столь же большую, что и у мальчишки, и столь же смертельную. Он, взрослый человек, не справился с ситуацией. – Теперь я понимаю...

И тут глюк оборвался; это оказалось вполне реальное воспоминание: они тогда все жили вместе. У Джерри сработал инстинкт – иначе мальчишка валялся бы под «Понтиаком» с перебитым позвоночником.

– Я спал, – пробубнил Джерри уже в уютном сумраке дома. – Первый раз за две недели букашки дали мне нормально заснуть. Пять дней я вовсе не спал, только бегал из угла в угол. Я уж было думал, что они совсем ушли из дому, куда-нибудь к соседям. А теперь я их снова чувствую. Меня снова обманули – десятый раз. Или одиннадцатый? – Голос Джерри звучал уже спокойнее, не сердито, а скорее озадаченно. Он протянул руку и дал мальчишке хороший подзатыльник. – Эх ты, тупица, если домкрат не держит, сразу давай деру! Забудь о машине, даже не пытайся удержать ее.

– Но, Джерри, я боялся, что ось...

– К черту ось! К черту машину! Речь идет о твоей жизни. – Все трое прошли через темную гостиную; глюк-воспоминание о давно прошедшем вспыхнул в последний раз и погас навеки.

Глава 2

– Достопочтенная публика! Граждане Анахайма! – взвыл человек с микрофоном. – Сегодня нам представилась удивительная возможность послушать и расспросить тайного агента Отдела по борьбе с наркоманией!

Он просиял, этот человек в ярко-розовом костюме, широком желтом пластиковом галстуке и ботинках из искусственной кожи. Чересчур толстый, чересчур старый и чересчур радостный, хотя радоваться было нечему. Глядя на него, тайный агент чувствовал тошноту.

– Вы, безусловно, обратили внимание, что наш гость как бы расплывается перед глазами. Причина в том, что он носит так называемый костюм-болтуню – а именно, тот самый костюм, который он обязан носить, выполняя свои обязанности, вернее, большую их часть, в Отделе по борьбе с наркоманией. Позже он сам объяснит вам зачем.

Публика, как две капли воды отражавшая все черты ведущего, сосредоточенно обзревала агента в костюме-болтуне.

– Этот человек, которого мы будем называть Фред, ибо таково кодовое имя, под которым он сообщает собранную информацию, находясь в костюме-болтуне, не может быть опознан по внешнему виду или голосу. Он похож на расплывчатое пятно и ни на что больше, не правда ли, друзья?

Ведущий изобразил лучезарную улыбку. Слушатели, разделяя его чувство юмора, тоже улыбнулись.

Костюм-болтуня был изобретением некоего сотрудника Лабораторий Белла по фамилии С. А. Пауэрс. Экспериментируя с возбуждающими веществами, действующими на нервные клетки, как-то ночью Пауэрс сделал себе инъекцию препарата IV, который должен был вызывать лишь легкую эйфорию, и испытал катастрофическое падение мозговой активности. После чего его субъективному взору на стене спальни предстали пылающие образы, в коих он тут же узнал произведения абстрактной живописи.

На протяжении шести часов С. А. Пауэрс зачарованно наблюдал тысячи картин Пикассо, сменяющих друг друга с фантастической скоростью. Затем он просмотрел работы Пауля Клее, причем большее количество, чем художник написал за всю свою жизнь. Когда наступила очередь шедевров Модильяни, С. А. Пауэрс пришел к выводу (а в конце концов, все явления нуждаются в разъясняющей теории), что его гипнотизируют розенкрейцеры, используя высокосовершенные микроскопические передающие системы. Потом, когда его стали изводить Кандинским, он вспомнил о музее в Петербурге, где хранились как раз такие полотна, и решил, что с ним пытаются вступить в телепатический контакт русские.

Утром Пауэрс выяснил в литературе, что резкое падение мозговой активности нередко сопровождается цветными видениями, так что дело было вовсе не в телепатическом контакте, тем более с помощью микросистем. Однако идея костюма-болтуни уже родилась. В основном костюм состоял из многогранных кварцевых линз, соединенных с микрокомпьютером, который содержал в памяти полтора миллиона закодированных физиономических характеристик разных мужчин, женщин и детей. Каждую наносекунду компьютер передавал на сверхтонкую мембрану, окружавшую носителя костюма, всевозможные оттенки цвета глаз, волос, формы носа, расположения зубов, конфигурации лицевых костей и т. д. Чтобы сделать костюм-болтуню более эффективным, С. А. Пауэрс заставил компьютер выбирать последовательность проектируемых образов случайным образом. Кроме того, ему удалось найти дешевый материал для мембраны – побочный продукт производства одной промышленной компании, выполнявшей правительственные заказы.

Короче говоря, носитель костюма являлся человеком толпы в полном смысле слова: в течение каждого часа он приобретал внешность миллиардов различных людей. Таким обра-

зом, любые попытки описать его или ее были совершенно бессмысленны и заранее обречены на провал. Нет нужды говорить, что С. А. Пауэрс ввел в банк памяти и свои собственные данные, и захороненный в головоломном сплетении характеристик лик изобретателя всплывал в каждом костюме на одну наносекунду... в среднем, как он подсчитал, раз в пятьдесят лет. Это была его заявка на бессмертие.

– Давайте же послушаем расплывчатое пятно! – громко подытожил ведущий, и публика захлопала.

Фред, он же Роберт Арктор в костюме-болтунье, простонал и подумал: «Это ужасно».

Раз в месяц каждый агент по борьбе с наркоманией должен был выступать на подобном сборище болванов. Сегодня была его очередь. Глядя на публику, он с новой силой осознал, насколько отвратительны ему добропорядочные. Они в восторге. Их развлекают.

Может быть, как раз в этот момент костюм приобрел внешний облик С. А. Пауэрса.

– Впрочем, все это не так уж и смешно, – заявил ведущий. – Наш герой... – Он замолчал, пытаясь вспомнить имя.

– Фред, – подсказал Боб Арктор. С. А. Фред, усмехнулся он про себя.

– Да-да, Фред. – Ведущий снова оживился и громогласно продолжил: – Как вы сами можете убедиться, его голос ничем не отличается от механических компьютерных голосов, которые вы слышите каждый день, заезжая, к примеру, в банк в Сан-Диего. Именно этим голосом, совершенно безжизненным, лишенным индивидуальности и каких-либо отличительных характеристик, Фред делает доклады руководству в Отделе... мм... по борьбе с наркоманией. – Последовала многозначительная пауза. – Агенты полиции находятся под постоянной смертельной угрозой, поскольку, как мы знаем, наркомафия с поразительной ловкостью внедряется в различные силовые структуры по всей стране, во всяком случае вполне способна это делать, согласно нашим ведущим экспертам. И поэтому в целях защиты наших отважных героев костюм-болтунья совершенно необходим.

Последовали жидкие аплодисменты, адресованные костюму-болтунье. Аудитория выжидающе уставилась на человека, затаившегося внутри загадочного творения ученых.

– Но, выполняя свое задание, – добавил ведущий, отодвигаясь от микрофона, чтобы дать место Фреду, – он, разумеется, не носит этот костюм. Он одевается как все, вернее, в экстравагантную одежду, принятую у хиппи и прочих неформальных групп, среди которых вынужден вращаться согласно велению долга.

Фреду – Роберту Арктору – приходилось выступать уже шесть раз, и он прекрасно знал, что надо говорить и что ему уготовано: бесконечные варианты одних и тех же идиотских вопросов и непроницаемая тупость слушателей. Короче, пустая трата времени плюс раздражение и злость, и всякий раз чувство тщетности...

– Увидев меня на улице, – сказал он в микрофон, когда стихли аплодисменты, – вы бы решили: «Вот идет псих, извращенец, наркоман». Вы бы почувствовали отвращение и отвернулись.

Аудитория затихла.

– Я не похож на вас, – продолжал он. – Я не могу себе позволить быть похожим на вас. От этого зависит моя жизнь.

На самом деле не так уж он от них и отличался. И ту одежду, которую надевал каждый день, носил бы в любом случае, даже если бы от этого ничего не зависело – ни жизнь, ни работа. Ему нравилась его одежда. Просто то, что он скажет, в общих чертах известно заранее. Текст выступления написан руководством и давно выучен наизусть. Агент мог слегка отклониться, но общая форма была стандартной. Начальник отдела, старый служака, утвердил ее пару лет назад, и теперь она воспринималась как священное писание.

Боб Арктор подождал, пока сказанное дойдет до сознания слушателей.

– Я не собираюсь рассказывать вам, чем мне приходится заниматься в качестве тайного агента, выслеживая распространителей наркотиков и источники нелегального товара, продающегося на улицах наших городов и в коридорах учебных заведений. Я хочу рассказать вам о том... – он сделал паузу, как его учили в академии на занятиях по психологии, – о том, чего я боюсь.

Это сразило их: все взгляды были прикованы к нему.

– Я боюсь за наших детей. За ваших детей и моих... – Он снова замолчал. – У меня их двое. – Затем, очень тихо: – Юные, совсем малыши... – И тут же страстно, повышая голос: – Но уже достаточно большие, чтобы можно было расчетливо прививать им пагубную зависимость от наркотиков – ради выгоды тех, кто уничтожает наше общество. – Снова пауза. – Мы пока еще не знаем... – более спокойным голосом, – кто эти люди, точнее, звери, которые охотятся на наших детей, словно обитают в диких джунглях. Кто продает эту мерзость, выжигающую мозг, которую ежедневно глотают, ежедневно курят и ежедневно вкалывают миллионы мужчин и женщин – вернее, тех, кто когда-то был мужчиной или женщиной. Мы постепенно распутываем этот клубок. И клянусь Богом, рано или поздно распутаем до конца. Мы их узнаем, всех до единого!

Голос из публики:

– Мы им устроим!

Другой голос:

– Покончим с коммуняками!

Бурные аплодисменты.

Роберт Арктор молчал. Смотрел на них, на этих добропорядочных жирных кретинов с их правильными костюмами, правильными галстуками и правильными туфлями и думал: «Препарат «С» не может выжечь им мозги. У них просто нет мозгов».

– Расскажите нам то, что вы знаете, – раздался более спокойный голос.

Арктор обвел взглядом зал. Пожилая женщина, не столь отвратного вида, как ее соседи. Она нервно сцепила руки.

– Каждый день эта страшная болезнь вырывает новые жертвы из наших рядов, – продолжал Фред, то есть Роберт Арктор. – В конце каждого дня деньги текут... – Он замолчал. И никакая сила не могла заставить его продолжать речь, вызубренную и тысячи раз повторенную на занятиях.

Все замерли.

– А вообще-то дело не только в наживе. Вы сами видите, что происходит...

Нет, они ничего не видят. Они не замечают, что я отошел от шаблона, говорю самостоятельно, без помощи суфлеров. Ну и что? Разве их что-нибудь волнует? Их огромные квартиры охраняют вооруженные наемники, готовые открыть огонь по любому торчку, который лезет по обнесенной колючей проволокой стене, чтобы засунуть в пустую наволочку их часы, их бритву, их стереосистему... Он лезет, чтобы добыть себе косяк: если не добудет, то может просто-напросто сдохнуть от боли и шока воздержания. Но если ты живешь в роскошном доме и твоя охрана вооружена – зачем об этом думать?

– Если бы вы страдали диабетом и у вас не хватало бы денег на укол инсулина, что бы вы стали делать? Крали бы? Или просто-напросто сдохли?

Молчание.

В наушниках его костюма-болтуни зазвучал тонкий голосок:

– Лучше вернитесь к утвержденной речи. Мой вам настоящий совет.

– Я забыл ее, – сказал Фред, Роберт Арктор, невидимому суфлеру. Он не знал, кто это – какая-то мелкая шишка из Отдела, курировавшая сегодняшнюю встречу.

– Мм... ладно, – протянул суфлер. – Я буду вам читать. Повторяйте за мной, но старайтесь, чтобы звучало естественно. – Молчание, шорох страниц. – Так, посмотрим... «новые жертвы из наших рядов. В конце каждого дня деньги текут»... Тут вы остановились.

– Я не могу, меня воротит от этого, – выдавил Арктор.

– «...А куда они текут, мы скоро выясним, – не обращая внимания, продолжал суфлер. – Тогда последует возмездие. И в тот момент ничто на свете не искусит меня поменяться с ними местами».

– Знаете, почему я не могу? – спросил Арктор. – Потому что именно от таких вот вещей люди ищут спасения в наркотиках.

Да, подумал он, вот почему ты сбегашь и садишься на дозу, сдаешься – из отвращения.

Но потом он снова посмотрел на публику и понял, что к ним это не относится. Ничтожества, дебилы. Им нужно все разжевывать, как в первом классе: «А – это арбуз. Арбуз круглый...»

– «С», – сказал он публике, – это препарат «С». «С» – это бегство, бегство ваших друзей от вас, вас – от них, всех – друг от друга, это разделение, одиночество, ненависть и взаимные подозрения. «С» – это слабоумие. «С» – это смерть. Медленная смерть, как называем ее мы... – Он осекся. – Мы, наркоманы...

Он медленно прошел к своему стулу и сел. В тишине.

– Вы провалили встречу, – сказал суфлер-начальник. – Когда вернетесь, зайдите ко мне в кабинет. Комната четыреста тридцать.

– Да, – сказал Арктор. – Провалил.

На него смотрели так, словно он только что прямо у них на глазах помочился на сцену.

Прошествовав к микрофону, ведущий объявил:

– Фред с самого начала хотел провести нашу встречу в форме вопросов и ответов, ограничившись лишь кратким вступительным словом. Я забыл об этом упомянуть. Итак, – он поднял руку, – первый вопрос?

Арктор внезапно снова неуверенно поднялся.

– Похоже, Фред хочет что-то добавить. – Ведущий сделал приглашающий жест.

Арктор подошел к микрофону и, опустив голову, тихо и отчетливо произнес:

– Вот еще что. Не надо плевать им вслед лишь потому, что они сели на дозу. Большинство из них, особенно девчонки, не знали, на что садятся или что садятся вообще. Просто постарайтесь удержать их... Понимаете, они растворяют «красненькие» в стакане вина – толкачи, я имею в виду. Дают выпить цыпочке, какой-нибудь несовершеннолетней крошке, и та вырубается, и тогда ей впрыскивают смесь героина и препарата «С»... – Он замолчал. – Спасибо за внимание.

– Как нам остановить их, сэр? – спросил мужчина.

– Убивайте толкачей, – сказал Арктор и побрел к стулу.

Ему не хотелось сразу возвращаться в Отдел и идти в комнату 430, и он стал спускаться по одной из торговых улочек, разглядывая лотки с гамбургерами, автомойки, заправочные станции, пиццерии и прочие достопримечательности. Бродя так без всякой цели в толпе, Арктор испытывал странное ощущение. Кто он на самом деле? Там, на встрече, он сказал, что без костюма-болтуни выглядит как наркоман. Да он и разговаривал как наркоман, так что толпа вокруг, без сомнения, принимала его за одного из них и реагировала соответственно. Более того, другие наркоманы («другие», вот именно!) казались ему своими – «мир, брат!» – в отличие от добропорядочных.

Стоит надеть епископскую митру и мантию, размышлял Арктор, и походить в ней некоторое время, позволяя людям преклонять колени и целовать твою руку, и не успеешь оглянуться, как ты уже и впрямь епископ или типа того. Что такое личность? Где начинается и кончается собственное «я»?

И уж совсем непонятно становилось, кто он на самом деле, когда начинались разборки с полицией. Когда копы, патрульные или какие-нибудь другие, все равно какие, притормаживали около него, идущего по тротуару, и сначала долго сверлили своим пустым металлическим взглядом, а потом наконец, решив поразвлечься, останавливались и подзывали к себе. «А ну, документы! – говорил обычно коп, протягивая руку, а потом, когда Арктор-Фред-Черт-знает-кто начинал рыться за пазухой, орал: – ТЕБЯ УЖЕ ЗАБИРАЛИ?» Иногда добавляя слово «РАНЫШЕ». Так, как будто прямо сейчас отправит в кутузку. «За что?» – обычно спрашивал Фред. Или просто молчал. Тут же собиралась толпа. Большинство считали, что это толкач, которого повязали на углу; они ухмылялись и распахивали друг друга локтями, чтобы полюбоваться зрелищем. Некоторые сердито ворчали – обычно чиканос, негры или явные торчки; потом они спохватывались и старались принять равнодушный вид – в присутствии копов лучше не выступать. Качаешь права или нервничаешь – значит, сам что-то скрываешь. Подозрительных полиция начинала потрошить автоматически.

На этот раз, однако, никто его не трогал. Вокруг было полно точно таких же торчков.

«Кто я на самом деле?» – спрашивал себя Роберт Арктор. На мгновение ему захотелось влезть в костюм-болтунью. Тогда бы я снова, думал он, стал расплывчатым пятном, и прохожие, уличная толпа, снова стали бы аплодировать. «Давайте же послушаем расплывчатое пятно!» – прокрутил он в памяти недавнюю сцену. Отличный способ прославиться! А как бы они узнали, что это то самое пятно, а не какое-нибудь другое? Внутри мог бы быть совсем не Фред или другой Фред – хрен поймешь, даже если «Фред» раскроет рот и заговорит. Никто не определит наверняка, никто, никак... А вдруг это, к примеру, Эл, который притворяется Фредом? В костюме может быть кто угодно, а может даже и совсем никого не быть, если он – чем черт не шутит! – автоматический и управляется на расстоянии, из Отдела по борьбе с наркоманией. И тогда Фредом может быть любой, кто в этот момент сидит в Отделе за столом, с напечатанным текстом и микрофоном, или даже все они вместе, каждый за своим столом.

Все было бы так, если бы не то, что я сказал в конце, подумал Арктор. Кто угодно в Отделе за столом такого не скажет. И вот об этом-то начальство и хочет со мной поговорить.

Разбираться с начальством ему совсем не улыбалось, и он продолжал тянуть время, шатаясь по улицам, идя наугад, без всякой цели, в никуда. Впрочем, в Южной Калифорнии и не важно, куда ты идешь: везде торчат одни и те же «Макдоналдсы», как будто ты не движешься, а только делаешь вид, а вокруг тебя поворачивается сцена с декорациями. А когда наконец ты чувствуешь голод и заходишь в один из этих «Макдоналдсов», чтобы купить гамбургер, он оказывается тем же самым, что в прошлый раз, и в позапрошлый, и так далее, вплоть до самого твоего рождения и еще раньше, да в придачу еще злые языки утверждают – вот ведь клеветники! – что делают там все из индюшачьих желудков. Если верить рекламе, то тот первоначальный гамбургер уже продали пятьдесят миллиардов раз. Небось еще одному и тому же человеку... Жизнь в Калифорнии – она сама вроде рекламного ролика, который прокручивают без конца. Ничего не меняется, только расходится все дальше и дальше, словно автоматическую фабрику, которая штампует эту жизнь, заклинило во включенном положении. Была такая сказка: «Как море стало соленым». А теперь «Как земля стала пластиковой». Когда-нибудь, подумал Арктор, нас заставят самих продавать друг другу гамбургеры. Прямо у себя дома, день за днем, вечно. Тогда незачем будет и на улицу выходить.

Он взглянул на часы: два тридцать. Пора звонить Донне. Судя по всему, он сможет достать через нее тысячу таблеток препарата «С».

Естественно, он передаст их на анализ и последующее уничтожение. Или что уж там с ними делают... Может, сами закидываются – ходят такие слухи. Или продают. Почему знать... Но Боб Арктор покупал у Донны не для того, чтобы взять ее за посредничество: он имел с ней дело много раз и не арестовал ее. Все затевалось вовсе не из-за какой-то девчонки, которая считала, что это круто и интересно – торговать наркотиками. Половина агентов в Отделе знали

ее в лицо. Иногда она даже продавала на стоянке у магазина «7-11», перед камерой, установленной там полицией, и ее не трогали. Она могла бы делать что угодно и перед кем угодно – ее все равно не стали бы забирать.

Цель операций с Донной, как и всех прочих, – выйти на более крупного поставщика. Поэтому Арктор заказывал все большие количества товара. Началось все с того, что он уговорил ее достать ему десять таблеток в качестве дружеской услуги. Затем выпросил пакет на сотню таблеток, потом три пакета. Теперь, если повезет, он получит тысячу, то есть десять пакетов. В конечном счете дело дойдет до таких партий товара, которые будут ей не по карману: она просто не сможет выложить достаточную сумму поставщику. И тогда, чтобы не потерять прибыль от сделки, она начнет торговаться – потребует, чтобы он, Боб, заплатил хотя бы часть вперед. Он откажется, время будет идти, все начнут нервничать, особенно поставщик, который рискует, держа у себя товар. И наконец Донна сдастся и скажет Бобу и поставщику: «Слушайте, давайте-ка вы лучше свяжетесь напрямую. Я вас обоих знаю, вы нормальные ребята, вам можно верить. Назначим время и место, и вы встретитесь. Так что, Боб, если тебе нужны такие партии, покупай прямо у него». Фактически тысячи таблеток – это уровень посредника, а не клиента. Донна уверена, что сам Боб продает таблетки сотнями. Так он поднимется на следующую ступеньку, а там и еще выше, по мере того как партии товара будут расти. И вот настанет момент, когда он выйдет на человека, которого уже можно будет брать. На того, кто что-то знает, кто связан или с производителем, или с тем, кто берет непосредственно у производителя.

В отличие от других наркотиков препарат «С» имел, по-видимому, один-единственный источник. Он был синтетическим и, следовательно, производился в лаборатории. Его исходные компоненты были довольно сложны и так же трудны в изготовлении, как и сам препарат. Теоретически препарат «С» мог производить кто угодно, если, во-первых, знать химическую формулу, а во-вторых, располагать технологическими возможностями. Но практически это оказывалось слишком дорого. Кроме того, тот, кто изобрел препарат и наладил поставку, продавал его настолько дешево, что конкуренция была исключена. А широкая сеть поставок говорила о том, что, хотя препарат имеет единственный источник, его производство рассредоточено – по-видимому, лаборатории находились по соседству с каждым крупным городским центром потребления наркотиков в Северной Америке и Европе. Почему ни одна из них до сих пор не раскрыта, оставалось загадкой; скорее всего, таинственная организация настолько глубоко проникла в силовые структуры, местные и общенациональные, что те, кому удавалось что-либо узнать, или быстро переставали этим интересоваться, или интересоваться становилось просто некому.

Разумеется, у Арктора было еще несколько нитей, кроме Донны. Других посредников он так же точно тормозил, требуя все больших партий препарата. Но поскольку она была его девушкой – по крайней мере, он имел на нее виды, – ему с ней легче работалось. Навещать ее, разговаривать по телефону, проводить вместе вечера доставляло удовольствие. В некотором смысле – линия наименьшего сопротивления. Если вам приходится шпионить, так уж лучше за людьми, с которыми вы все равно встречаетесь. Это менее подозрительно и не так скучно. А если вы с ними и не встречались часто до того, как начали шпионить, то все равно станете встречаться, так что в конечном счете выйдет то же самое.

Он вошел в телефонную будку и набрал номер.

– Алло, – ответила Донна.

Все телефонные автоматы в мире прослушиваются. А если где-то и не прослушиваются, то просто до них еще не успели добраться. Записи разговоров поступают в центральный пункт и в среднем раз в два дня проверяются дежурным, которому даже не надо выходить из кабинета, а достаточно лишь нажать кнопку. Большинство разговоров безобидны. Обязанность дежурного – выделять небезобидные. В этом заключается его искусство. За это ему платят.

Так что их с Донной пока никто не слушал. Запись должны были получить не раньше чем на следующий день. Если бы они обсуждали что-либо уж совсем одиозное и дежурный это заметил, то снял бы компьютерные отпечатки их голосов. Так что от них требовалось лишь особо не выпендриваться. Можно было даже явно упоминать о наркотиках. Федеральному правительству приходилось экономить: невыгодно затевать возню с отпечатками и слежкой из-за мелких сделок, которые заключаются каждый день по огромному количеству телефонов. И Донне, и Арктору это было хорошо известно.

– Как дела? – спросил он.

– Ничего... – Теплый и слегка хриплый голос.

– Как настроение?

– Да так себе. Не очень... Сегодня утром босс в магазине устроил мне подлянку. – Донна стояла за прилавком с парфюмерией в торговых рядах в Коста-Месе, куда отправлялась каждое утро на своей малолитражке. – Знаешь, что он мне выдал? Что тот тип, который нас недавно обул на десять баксов – тот старый, седой, – короче, что это я виновата и недостачу покрою из своей зарплаты. Так что, выходит, я погорела на десятку, хотя чиста как стеклышко. Вот падла!

– Я могу у тебя что-нибудь взять?

– Ну-у... – протянула она угрюмо и вроде как неохотно – своеобразная игра. – Смотря сколько тебе надо.

– Десять.

Они договорились, что один – это сотня. Таким образом, он просил тысячу. Среди дельцов вообще принято крупные числа заменять мелкими, чтобы разговаривать по телефону, не привлекая внимания властей. Так можно было продержаться сколько угодно – спецназ вряд ли станет прочесывать все квартиры ради мелких партий наркотиков.

– Десять... – раздраженно пробормотала Донна.

– У меня зарез, – объяснил он. Как будто берет для себя, а не на продажу.

– Мм... десять... – Она явно размышляла, не продает ли он сам. Может, и продает. – Десять. Почему бы и нет? Скажем, через три дня, нормально?

– А раньше нельзя?

– Понимаешь...

– Ладно, идет, – согласился он. – Я заскочу.

– Хорошо. Когда?

Она прикинула.

– Около восьми вечера. Слушай, я тут нашла одну книжку – кто-то забыл в магазине, – хочу тебе показать. Книжка классная. Про волков. Знаешь, когда волк-самец побеждает соперника, то не приканчивает, а мочится на него. Именно так! Прямо берет и писает на побежденного врага, а потом бежит дальше. Вот и все. Они дерутся только за территорию и право трахаться.

– Я тут тоже недавно кое на кого помочился, – усмехнулся Арктор.

– Серьезно? Как это?

– Метафорически.

– Не на самом деле?

– Ну, в смысле... я заявил им... – Он спохватился. Черт, чуть не сболтанул. – В общем, я иду, а один парень на мотоцикле, типа байкера, он начал ко мне цепляться. Так я повернулся и выдал... – Он замялся, пытаясь придумать что-нибудь этакое.

– Можешь мне сказать, – хихикнула Донна. – Даже если это что-то совсем грубое. Байкеры иначе не примешь – просто не поймут.

– Мол, лучше бы он почаще сидел на свинке, чем на этом борове.

– Я что-то не въехала.

– Ну, типа, на женщине...

– А-а...

– Ладно, заходи, я буду ждать...

– Принести тебе книжку про волков? Автор – Конрад Лоренц, там на обложке написано, что он по ним главный специалист. Да, чуть не забыла. Сегодня ко мне в магазин заглянули твои сожители: Эрн... как там его... и Баррис. Искали тебя.

– Что стряслось? – спросил Арктор.

– Цефалохромоскоп, что обошелся тебе в девятьсот долларов... Они хотели включить его, а он не работал. Ни цвета, ничего... В общем, они взяли инструменты Барриса и отвернули днище.

– Черт побери! – возмущенно воскликнул Арктор.

– Там вроде кто-то ковырялся, испорчена вся схема. Похоже, нарочно: оборваны провода, сломаны детали и так далее. Баррис сказал, что попробует...

– Все, я еду домой, – отрубил Арктор и повесил трубку.

Самое лучшее, что у меня есть. Самое дорогое. Если этот кретин Баррис начнет копать... Но я не могу сейчас ехать домой, опомнился он. Сперва надо побывать в «Новом пути» и посмотреть, что там творится.

Приказ руководства.

Глава 3

Чарлз Фрек тоже подумывал о «Новом пути» – так на него подействовала участь Джерри Фабина.

Он сидел с Джимом Баррисом в кофейне «Три скрипача» в Санта-Ане и уныло перебирал засахаренные орешки.

– Решиться не просто. Там страх что творят. Сидят с тобой день и ночь, чтобы ты не наложил на себя руки или не откусил себе палец, и совсем ничего не дают для облегчения. Даже того, что обычно врач прописывает, вроде валиума.

Баррис посмеивался, разглядывая свой горячий бутерброд – эрзац-сыр и такое же мясо на диетическом хлебе.

– Что это за хлеб? – спросил он.

– Почитай меню, – ответил Чарлз Фрек. – Там все написано.

– Если ты согласишься на лечение, то испытаешь ряд неприятных ощущений в области головного мозга. В первую очередь я имею в виду катехоламины, такие как норадреналин и сератонин. Видишь ли, все происходит следующим образом: препарат «С» – вообще все наркотические вещества, но препарат «С» особенно – взаимодействует с катехоламинами на клеточном уровне, и устанавливается биологическая контрадаптация, вроде бы навсегда. – Он откусил большой кусок с правой стороны бутерброда. – Раньше считалось, что это происходит только с алкалоидными наркотиками, такими как героин.

– Я категорически против героина. Паршивая штука.

К столику подошла симпатичная официантка в желтом халатике, светловолосая, с высокой дерзкой грудью.

– Привет, – сказала она. – Все в порядке?

Чарлз Фрек испуганно поднял взгляд.

– Как тебя звать, милая? – спросил Баррис, жестом успокаивая Фрека.

Она ткнула в табличку на правой грудке.

– Бетти.

Интересно, как зовут левую, подумал Чарлз Фрек.

– У нас все отлично, – сказал Баррис, нахально оглядывая девушку с головы до ног.

Чарлз увидел исходящий из головы Барриса круг, как на карикатуре, в котором совершенно голая Бетти молила о ласке.

– Только не у меня, – заявил Чарлз Фрек. – У меня полно проблем – больше, чем у кого бы то ни было.

– У всех свои проблемы, – рассудительно заметил Баррис. – И чем дальше, тем больше. Наш мир болен, и с каждым днем болезнь становится все круче.

Картинка над его головой тоже стала круче.

– Желаете заказать десерт? – улыбаясь, предложила Бетти.

– Например? – подозрительно спросил Чарлз Фрек.

– У нас есть свежий клубничный пирог. И еще персиковый. Мы сами печем.

– Нет, не надо нам никаких десертов! – сказал Чарлз Фрек. – Фруктовые пироги годятся только для старушек, – добавил он, когда официантка отошла.

– Это все твоя идея насчет лечения, – объяснил Баррис. – Она и заставляет тебя нервничать. Твой страх – не что иное, как проявление негативных целевых симптомов. А цель – не пустить тебя в «Новый путь» и не дать завязать. Понимаешь, все симптомы – они целевые, будь то позитивные или негативные.

– Ни фиги себе...

– Они возникают в теле специально для того, чтобы заставить его хозяина – в данном случае тебя – лихорадочно искать...

– Первое, что делают в «Новом пути», – сказал Чарлз Фрек, – это отрезают тебе член. В качестве наглядного урока. Ну и так далее.

– Затем вырежут селезенку, – кивнул Баррис.

– Что?.. Вырежут... А она зачем, эта селезенка?

– Помогает переваривать пищу.

– Как?

– Удаляет целлюлозу.

– Значит, потом...

– Только бесцеллюлозная пища. Никаких листьев или бобовых.

– И сколько так можно протянуть?

Баррис пожал плечами.

– Как получится.

– А сколько селезенки обычно у человека? – Фрек знал, что почек, как правило, две.

– Это зависит от веса и возраста.

– Да ну? – подозрительно прищурился Фрек.

– Они растут. К восьмидесяти годам...

– А-а... да ты меня разыгрываешь.

Баррис рассмеялся. У него какой-то странный смех, подумал Чарлз. Неестественный, как будто что-то рвется.

– А почему ты вдруг решил лечь в наркоцентр на воздержание?

– Джерри Фабин, – ответил Фрек.

Баррис махнул рукой.

– Джерри – особый случай. Однажды у меня на глазах Джерри пошатывается и падает, испражняется под себя, не соображая, где находится, умоляет спасти... Ему подсунули какую-то гадость, сульфат таллия скорее всего. Сульфат таллия используют в инсектицидах и в крысиной отраве. Кто-то устроил подлянку. Я могу назвать десяток ядов, которые...

– И другая причина, – сказал Чарлз Фрек. – У меня кончается запас, и я не в силах это выдержать – постоянно сидишь на нуле и не знаешь, достанешь еще или нет!

– Ну, если на то пошло, мы не можем быть уверены в том, что доживем до завтрашнего дня.

– Черт побери, сейчас вообще зарез – день-два, и кранты. И еще – меня, наверное, обкрадывают. Не может быть, чтобы я сам так много потреблял. Какой-то гад, наверно, таскает их понемногу.

– Сколько таблеток ты закидываешь в день?

– Очень трудно определить. Но не так много.

– Привычка требует все больших количеств, ты же знаешь...

– Не настолько же. Я больше не выдержу. С другой стороны... – Он подумал. – Похоже, я набрел на новый источник. Та цыпочка, Донна, как там ее...

– А, подружка Боба.

– Вот-вот, его девчонка, – кивнул Чарлз.

– Да нет, он так и не забрался ей под юбку. Только мечтает.

– Она надежна?

– В каком смысле? В плане, даст ли, или... – Баррис поднес руку ко рту и сделал вид, что глотает.

– Это еще что за вид секса? – изумленно начал Фрек, и тут до него дошло. – А-а. Последнее, разумеется.

– Вполне надежна. Немного взбалмошная, ну, как все цыпочки, особенно темненькие. Мозги промеж ног, как и у остальных. Наверное, и запас у нее там. – Баррис хохотнул. – Весь ее загашник.

Чарлз Фрек подался вперед.

– Арктор никогда не спал с Донной? А говорит...

– Ты его слушай больше. Он много чего говорит. Не всему надо верить.

– Как же так? У него не встает, что ли?

Баррис задумчиво ломал бутерброд на мелкие кусочки.

– Проблемы у Донны. Вероятно, сидит на какой-то отраве. Полностью потерял интерес к сексу, вплоть до отвращения к физическому контакту. У торчков всегда так – из-за сужения сосудов. Я заметил, что у Донны это особенно выражено. Не только с Арктором, но и... – он раздраженно нахмурился, – с другими мужчинами.

– Ты имеешь в виду, она просто не хочет?

– Захочет, – отрезал Баррис. – Если с ней правильно обращаться. Например... – Он принял таинственный вид. – Я могу научить тебя, как добиться Донны за девяносто восемь центов.

– Да не хочу я с ней спать! Мне от нее нужен товар. – Чарлз Фрек был не в своей тарелке. В Баррисе чувствовалось что-то такое, от чего у него неприятно холодело в животе. – Почему за девяносто восемь центов? Не возьмет она деньги, не такая она. И вообще она девчонка Боба.

– Деньги пойдут не ей непосредственно, – произнес Баррис нравоучительным тоном. Он наклонился вперед, его ноздри дрожали от возбуждения, зеленые очки запотели. – Донна сидит на кокаине. Для каждого, кто даст ей грамм, она, безусловно, раздвинет ножки, особенно если, по строго научной методике, которую я разработал, в коку добавить определенные редкие химикаты.

– Ты бы лучше не говорил так о ней, – нахмурился Чарлз Фрек. – В любом случае грамм коки стоит больше сотни долларов. Где взять такие башли?

Ухмыляясь, Баррис заявил:

– Я могу извлечь грамм чистого кокаина из ингредиентов общей стоимостью менее одного доллара.

– Чушь.

– Готов продемонстрировать.

– Откуда берутся эти ингредиенты?

– Из магазина «7-11», – сказал Баррис, забыв о раздрызганном бутерброде и поднимаясь на ноги. – Бери счет и идем, я покажу. У меня дома оборудована лаборатория – временная, пока не обзаведусь лучшей. Ты увидишь, как я извлеку грамм чистого кокаина из широко распространенных общедоступных материалов, купленных открыто меньше чем за один доллар. – Баррис стал пробираться между столиками. – Пошли! – скомандовал он.

– Ладно. – Чарлз Фрек взял счет и поплелся следом. Чертов болтун. А впрочем... Сколько он делает всяких химических опытов и вечно читает в библиотеке... Как же на этом можно зарабатывать, обалдеть!

Баррис в своем потертом летном комбинезоне уже миновал кассу, на ходу доставая ключи.

* * *

Они оставили машину на стоянке магазина «7-11» и вошли внутрь. Как обычно, у стойки с журналами стоял здоровенный коп и притворялся, будто читает. Чарлз Фрек хорошо знал, что на самом деле он рассматривает входящих, поджидая потенциального грабителя.

– Что мы здесь берем? – спросил Чарлз у Барриса, беспечно прогуливавшегося вдоль стоек с товарами.

– Баллон «Солнечного».

– Средство от загара? – Чарлз Фрек не верил своим ушам. С другой стороны, кто знает? Баррис подошел к прилавку – была его очередь платить.

Они купили «Солнечный», опять прошли мимо копа, и Баррис в два счета, не обращая внимания на дорожные знаки, домчался до дома Боба Арктора.

Выйдя из машины, Баррис достал с заднего сиденья опутанные проводами предметы. Среди груды электронных приборов Чарлз Фрек узнал вольтметр и паяльник.

– Зачем это? – спросил он.

– Предстоит долгая и трудная работа, – ответил нагруженный Баррис, подойдя к двери. Он передал Чарлзу ключ. – И наверное, мне за нее не заплатят. Как обычно.

Чарлз Фрек отомкнул дверь. К ним тут же, преисполненные надежды, бросились два кота и собака, но Чарлз и Баррис, осторожно отеснив их ногами, прошли на кухню. Здесь и находилась знаменитая лаборатория – кучи бутылок, всякого хлама и непонятных предметов, которые Баррис притаскивал отовсюду. Он верил не столько в аккуратность, сколько в озарение: чтобы достичь цели, надо уметь использовать первое, что попадется под руку. Скрепки, клочки бумаги, разрозненные детали от сломанных механизмов – все шло в ход. Фрек невольно подумал, что так бы выглядела мастерская, где проводят свои эксперименты крысы.

Первым делом Баррис оторвал пластиковый пакет из рулона возле раковины и опорожнил туда аэрозоль.

– Бред какой-то... – пробормотал Чарлз Фрек. – Полный бред.

– Знай, что на производстве кокаин умышленно смешивают с маслом, – бодро комментировал свои действия Баррис, – таким образом, что извлечь его невозможно. Одному мне благодаря глубокому знанию химии доподлинно известно, как это сделать. – Он обильно посолил клейкую густую массу и вылил ее в стеклянную банку. – Теперь охлаждаем, – продолжал Баррис, довольно ухмыляясь, – и кристаллы кокаина поднимаются наверх, так как они легче воздуха. То есть масла, я имею в виду. Конечная стадия, разумеется, мой секрет, но скажу, что она включает в себя сложный процесс фильтрации.

Баррис открыл холодильник и аккуратно поставил банку в морозильную камеру.

– Сколько там ее держать? – спросил Чарлз Фрек.

– Полчаса.

Баррис закурил самокрутку и уставился на кучу электронных приборов, задумчиво потирая бородатый подбородок.

– Даже если ты получишь целый грамм чистого кокаина, я не могу использовать его на Донне, чтобы... ну, залезть ей под юбку. Я вроде как покупаю ее, вот что получается.

– Обыкновенный обмен, – наставительно поправил Баррис. – Ты ей делаешь подарок, и она тебя одаривает... самым ценным, что есть у женщины.

– Она почувствует, что ее покупают. – Фрек достаточно общался с Донной, чтобы понимать это. Донну на мякине не проведешь.

– Кокаин – возбудитель, – проговорил Баррис вполголоса, перенося приборы к цефалоскопу – бесценной собственности Боба. – Она нанюхается и будет счастлива дать себе волю.

– Чушь! – решительно заявил Чарлз Фрек. – Ты говоришь о подружке Боба Арктора. Он – мой приятель и человек, с которым вы с Лакменом живете под одной крышей.

Баррис на секунду поднял свою косматую голову и некоторое время не сводил с Чарлза Фрека глаз.

– Ты очень многого не знаешь о Бобе Аркторе. Да и мы все. Твой взгляд наивен и упрощен. Ты ему слишком веришь.

– Он парень что надо.

– Безусловно. – Баррис кивнул и улыбнулся. – Вне всякого сомнения. Один из самых лучших в мире. Но я начал замечать в нем – *мы* начали замечать в нем, те, кто наблюдает за Арктором пристально и внимательно, – определенные противоречия. Как в структуре его личности, так и в поведении. Во внутренней сущности, так сказать.

– Что ты имеешь в виду?

Глаза Барриса заплясали за зелеными стеклами очков.

– Твой бегающий взгляд мне ни о чем не говорит, – заявил Чарлз Фрек. – А что случилось с цефаскопом, почему ты в нем копаешься?

– Загляни, – предложил Баррис, положив прибор набок.

– Провода обрезаны. И еще, похоже, кто-то устроил несколько коротких замыканий... Чья это работа?

Веселые и всезнающие глаза Барриса заплясали с особым удовольствием.

– Твои дурацкие намеки мне на хрен не нужны, – после напряженного молчания сказал Чарлз Фрек. – Кто испортил цефаскоп? Когда ты это обнаружил? Арктор ничего мне не говорил, а я его видел только позавчера.

– Наверно, тогда он еще не был готов об этом говорить, – заметил Баррис.

– Так, – зловеще протянул Чарлз Фрек. – Насколько я понимаю, ты тут мне загадки загадываешь. Пожалуй, отправлюсь-ка я лучше в «Новый путь» и сдамся на воздержание и буду лечиться и жить с простыми парнями. Все лучше, чем иметь дело с такими шизиками, как ты, которых я никак не могу понять. Напекаешь, что Боб сам раскурочил цефаскоп? Испортил самую дорогую свою вещь? Что ты хочешь сказать? Лучше бы я жил в «Новом пути», где мне не пришлось бы выслушивать все это многозначительное дерьмо, в которое я ни хрена не въезжаю. Каждый день одни ошизевшие торчки – то ты, то еще кто-нибудь! – Он яростно стиснул зубы.

– Я не ломал прибор, – задумчиво произнес Баррис, двигая ушами, – и серьезно сомневаюсь, что это сделал Эрни Лакмен.

– А я серьезно сомневаюсь, – парировал Чарлз Фрек, – что Эрни Лакмен вообще что-нибудь повредил в своей жизни, если не считать того случая, когда он накололся на плохой кислотке и вышвырнул в окно журнальный столик. Обычно у него котелок варит лучше, чем у всех нас. Нет, Эрни не станет ломать чужой скоп. А Боб Арктор? Это же его вещь, так ведь? И что, он, значит, встал потихоньку среди ночи и сам себе сделал пакость? Нет, это кто-то другой устроил, вот что я тебе скажу.

Это запросто мог сделать ты, грязный сукин сын, подумал Чарлз. И умения у тебя хватает, и мозги твои устроены черт знает как...

– Тому, кто это сделал, место в лечебнице или на кладбище. Предпочтительно последнее. Для Боба эта штука значила все. Я видел, как он ее включает, едва вернется домой с работы. У каждого есть что-то, чем он особенно дорожит. У Боба был скоп. И сотворить такое... Черт!

– Это-то я и имею в виду.

– Что это ты имеешь в виду?

– Меня давно уже интересует, кто такой Боб Арктор и где он работает на самом деле.

Нет, Баррис мне не нравится, подумал Чарлз Фрек. Внезапно он испытал сильное желание оказаться отсюда далеко-далеко. Может, смыться?... Но потом он вспомнил про банку с кокой и маслом в холодильнике – сто баксов за девяносто восемь центов.

– Послушай, когда там будет готово? Мне кажется, ты меня дурачишь. Зачем же продавать «Солнечный» за гроши, если в нем грамм кокаина? Какой им от этого кайф?

– Они закупают оптом, – объяснил Баррис.

У Чарлза Фрека немедленно пошел глюк: грузовики с кокаином подкатывают к заводу (где уж он там, может, в Кливленде), вываливают тонны и тонны девственно-чистой, высококачественной коки во двор, потом коку смешивают с маслом, инертным газом и прочей дря-

нюю, разливают по маленьким ярким жестянкам и наконец завозят в магазины «7-11», аптеки и супермаркеты. Стоит только остановить грузовичок, размышлял он, забрать груз – семьсот или восемьсот фунтов чистого... Да нет, черт побери, гораздо больше! Сколько в грузовике помещается кокаина?

Баррис принес пустой баллон «Солнечного» и указал на этикетку, где были перечислены все ингредиенты.

– Видишь? Бензокаин. Только отдельные эрудиты знают, что под таким названием в торговле маскируют кокаин. Если бы писали прямо «кокаин», рано или поздно народ бы просек. У людей просто не хватает образования. Такой научной базы, как у меня.

– Для чего тебе образование? – поинтересовался Чарлз Фрек. – Донну возбуждать?

– Напишу бестселлер, – уверенно заявил Баррис. – Учебник для чайников. «Как, не нарушая закона, получать наркотики у себя на кухне». Понимаешь, бензокаин официально разрешен. Я справлялся в аптеках – он содержится в уйме препаратов.

– Ух ты! – уважительно сказал Чарлз Фрек и посмотрел на часы. Ждать оставалось недолго.

* * *

Хэнк, непосредственный начальник Боба Арктора, дал ему задание обследовать местные филиалы «Нового пути», чтобы определить местонахождение крупного поставщика, который внезапно скрылся. Время от времени это случалось: торговец наркотиками, поняв, что его вот-вот возьмут, искал убежища в одном из центров реабилитации вроде «Нового пути», «Синанона» или «Сентер-пойнта» под видом наркомана, нуждающегося в лечении. Там, внутри, он терял документы, забывал свое имя и вообще все, что позволяло его идентифицировать, – так начиналось создание новой личности, свободной от наркотической зависимости. Исчезало почти все, что могло бы навести силовые структуры на его след. Позже поставщик вновь выходил на поверхность и возобновлял свою прежнюю деятельность. Конечно, реабилитационные центры старались отслеживать такие случаи, однако не всегда успешно. Сорокалетний срок, полагающийся за торговлю наркотиками, – хороший стимул для того, чтобы поднапрячься и выдать правдоподобную историю персоналу клиники, который решал, принять человека или отказать ему. Страх перед наказанием заставлял стараться.

Сбавив скорость, Боб Арктор принялся искать вывеску «Нового пути». Ему совсем не улыбалось лезть в клинику под видом возможного пациента, но иного способа не было. Если бы он явился туда как агент Отдела по борьбе с наркотиками и сказал, кого ищет, то сотрудники клиники, по крайней мере большинство из них, тут же постарались бы его отшить. Они не хотели, чтобы клиентов, их «семью», тревожила полиция, и Арктор их хорошо понимал. Бывшие наркоманы рассчитывали на безопасность; во всяком случае, при поступлении клиника официально гарантировала им неприкосновенность. Это понимал и Хэнк, по чьему поручению Боб занимался Черным Уиксом – давно и безрезультатно. Вот уже десять дней об Уиксе не было ничего слышно, он исчез бесследно.

Наконец Арктор увидел яркую вывеску, оставил машину на крохотной стоянке, которую филиал «Нового пути» делил с булочной, и нетвердыми шагами направился к парадной двери, входя в привычную роль.

Строго говоря, Уикс был скорее курьером, чем поставщиком: он вывозил партии сильных наркотиков из Мексики и сдавал покупателям где-то в окрестностях Лос-Анджелеса. Парень нашел гениальный метод провоза товара: он выбирал подходящего добропорядочного типа и где-нибудь на стоянке прикреплял товар к днищу его машины. Потом, уже на другой стороне границы, догонял и при первой возможности пускал беднягу в расход. Если же пограничники

засекали товар, то отдуваться приходилось не Уиксу, а ни в чем не повинному болвану: с этим в Калифорнии было строго.

Арктор знал Уикса в лицо лучше, чем кто-либо из агентов. Жирный чернокожий тип, слегка за тридцать, любивший изъясняться нарочито правильно и изящно, как будто он учился в модной частной школе в Англии.

На самом деле Уикс вырос в трущобах Лос-Анджелеса, а произношение себе поставил, скорее всего, с помощью учебных записей из библиотеки какого-нибудь колледжа. Одевался он не вызывающе, но шикарно, как врач или адвокат, носил очки в роговой оправе и часто брал с собой дорогой «дипломат» из крокодиловой кожи. Оружие у него тоже было стильное, итальянского производства. Однако в «Новом пути» всю эту шелуху, само собой, ободрали, одели его, как всех, в благотворительные обноски, а «дипломат» заперли в сейф.

Боб Арктор открыл тяжелую деревянную дверь и вошел. Мрачный темноватый холл, слева гостиная, где сидят несколько человек и читают. В дальнем конце холла – стол для пинг-понга, за ним кухня. На стенах лозунги, часть написана от руки, часть напечатана. «Единственный дурной поступок – подвести других» и так далее. Кругом тишина, никакой суеты. Очевидно, большинство пациентов были на работе – на многочисленных мелких предприятиях «Нового пути» вроде бензоколонок или производства шариковых ручек.

Арктор в нерешительности остановился.

– Да? – К нему подошла девушка в очень короткой голубой юбке и майке с надписью «Новый путь» на груди.

– Я... мне плохо, – пробормотал он хрипло, держась как можно более униженно. – Можно присесть?

– Конечно. – Девушка махнула рукой; двое парней довольно скромного вида подошли к Арктору и остановились в ожидании. – Отведите его туда, где он сможет присесть, и принесите кофе.

Ну и тоска, подумал он, позволяя усадить себя на потрепанную жесткую кушетку. Стены мрачные – краска явно благотворительная и низкого качества. Ну да, они ведь живут только на пожертвования.

– Спасибо, – выдавил он дрожащим голосом, как будто испытывал невероятное облегчение от того, что наконец дошел и сидит. – Слава богу. – Он попытался пригладить волосы. Безуспешно.

– Паршиво выглядите, мистер, – неодобрительно произнесла девушка.

– Точно, – кивнули оба парня. – Ты что, валялся в собственном дерьме?

Арктор растерянно моргал.

– Кто ты такой? – спросил один из парней.

– Ясно кто, – презрительно протянул другой. – Мразь из мусорного ведра. Гляди! – Он показал на волосы Арктора. – Вши. Потому ты и чешешься, приятель.

Девушка, которая держалась спокойно и вежливо, но отнюдь не дружелюбно, спросила:

– Зачем вы сюда пришли?

Потому что где-то здесь прячется крупная дичь, хотелось сказать Арктору. Я – охотник. А вы все – идиоты. Однако вместо этого он униженно пробормотал то, что, очевидно, от него ожидалось:

– Вы обещали...

– Да, мистер, вы можете выпить кофе. – Девушка кивнула одному из парней, и тот послушно направился на кухню.

Последовала пауза. Затем девушка наклонилась и тронула Арктора за колено.

– Вам очень плохо, да?

Он лишь молча кивнул.

– Вы испытываете стыд и отвращение к самому себе, – продолжала она.

– Да.

– Измываться над собой день за днем, вводить в свое тело...

– Я больше не могу, – взмолился Арктор. – Вы моя единственная надежда. Здесь мой друг – он сказал, что идет сюда. Черный, ему за тридцать, образованный, очень вежливый...

– Вы встретитесь с нашей семьей позже, – перебила его девушка. – Если подойдете нам. Вы ведь понимаете, что должны соответствовать нашим требованиям. И первое из них – искреннее желание вылечиться.

– Да-да, – сказал Арктор. – Мне это очень нужно.

– Вам должно быть совсем плохо, чтобы вас сюда взяли.

– Мне плохо.

– Серьезно подсели? Какова ваша обычная доза?

– Унция в день.

– Чистого?

– Да, – кивнул он. – Я держу его в сахарнице на столе.

– Вам придется очень трудно. Будете всю ночь грызть подушку – к утру покроетесь перьями. Судороги, пена изо рта... Будете ходить под себя, как больное животное. Вы готовы к этому? Вы должны понимать, что мы вам здесь ничего не дадим.

– Да. – Арктору было скучно, он чувствовал неловкость и раздражение. – Мой друг, чернокожий... Не знаю даже, добрался ли он сюда. Я боюсь, что его по пути замели копы – он был совсем плохой, едва понимал, куда идти. Ему казалось...

– В «Новом пути» нет места личным отношениям, – сказала девушка. – Вам придется это усвоить.

– Да, но он добрался? – Боб Арктор понял, что зря теряет время. Боже мой, здесь еще хуже, чем у нас. И ведь она ни хрена мне не скажет. Такова их политика. Хоть об стену лбом бейся... Тот, кто попадает сюда, исчезает с концами. Может, Черный Уикс сидит рядом, за перегородкой, слушает и хихикает, а может, его здесь и не было совсем. И ничего не добьешься, даже с ордером. Они будут тянуть время – они это умеют, – пока все, кого ищут, не сделают ноги. В конце концов, весь здешний персонал – сами бывшие наркоманы. Да и кому интересно ворошить осиное гнездо: общественность тут же поднимет такой вой... Похоже, на Черном Уиксе придется поставить крест, а самому сматываться. Ясно теперь, подумал он, почему меня до сих пор сюда не посылали: эти типы – не подарок. Так что поручение я успешно провалил: Уикс больше просто не существует.

Доложу Хэнку и буду ждать нового задания. Черт с ними со всеми. Арктор с трудом встал.

– Я пошел.

Оба парня уже возвращались. Один нес кружку кофе, другой – кипу литературы, очевидно образовательной.

– Что, трусил? – презрительно спросила девушка. – Не хватает пороку сдержать слово? Поползешь на пузе назад, на помойку?

Все трое злобно смотрели на него.

– Потом, – пробормотал Арктор и двинулся к выходу.

– Торчок сраный! – бросила вслед девушка. – Ни мозгов, ни характера – все выжжено. Ползи, ползи, ты сам себя обрекаешь.

– Я вернусь, – обиженно буркнул Арктор. Здешняя атмосфера давила на него все сильнее.

– Мы можем и не пустить тебя назад, слизняк, – предупредил один из парней.

– Будешь умолять, – добавил другой. – В ногах валяться. И все равно не факт, что мы захотим тебя принять.

– Во всяком случае, сейчас ты нам не нужен, – подытожила девушка.

У двери Арктор обернулся и посмотрел на своих мучителей. Он хотел сказать что-нибудь, но не мог найти слов. В голове было пусто, словно все стерли. Мозг отказывался работать:

ни одной мысли, ни одного сколько-нибудь подходящего ответа, даже самого примитивного. Странно, недоумевал он, подходя к машине, очень странно. Да уж, с Черным Уиксом можно распрощаться навсегда. Я сюда больше не ходок. Пора просить о новом задании. Искать кого-то другого.

Похоже, эти типы будут покруче нас с Хэнком.

Глава 4

Из костюма-болтуни одно расплывчатое пятно, называющее себя Фредом, смотрело на другое расплывчатое пятно, известное под именем Хэнк.

– Итак, это все о Донне, Чарлзе Фреке и... – Металлическая монотонная речь Хэнка на секунду прервалась. – Так, с Джимом Баррисом тоже все. – Он сделал пометку в лежащем перед ним блокноте. – Дуг Уикс, по вашему мнению, мертв или переместил свою деятельность в другой район.

– Или лег на дно, – добавил Фред.

– Вам говорит что-нибудь имя Граф или Арт де Винтер?

– Нет.

– А женщина по имени Молли? Крупная такая.

– Нет.

– Как насчет пары негров – братья, лет по двадцать, фамилия Хэтфилд или что-то в этом роде? Работают с фунтовыми пакетами героина.

– Фунтовыми? *Фунтовыми пакетами героина?*

– Именно.

– Нет, такое я бы запомнил.

– Еще есть один швед, высокого роста, фамилия шведская. Отсидел срок, любит прикалываться, странноватый такой. Высокий, худой, имеет при себе много денег – видимо, от крупной сделки в начале месяца.

– Поищу. Да-а, фунтовые пакеты... – Фред покачал головой, и расплывчатое пятно заколыхалось.

Хэнк порылся в досье.

– Так, этот сидит... – Он поднял одну из фотографий, прочитав что-то на обороте. – Нет, мертв, тело у нас здесь, внизу... Как вы думаете, эта девчонка, Джора, работает на панели? – спросил он, покопавшись еще немного.

– Вряд ли.

Джоре Каджас было всего пятнадцать. Она уже сидела на препарате «С» и жила в Бриа, в районе трущоб, на верхнем этаже полуразвалившегося холодного домишки. Единственным источником ее дохода являлась стипендия штата Калифорния, которую она в свое время выиграла. Но на занятиях Джору никто не видел уже полгода.

– Если что, дайте мне знать. Мы привлечем ее родителей.

– Хорошо.

– Боже мой, как же быстро они катятся под гору!.. Была вчера тут одна – выглядит на все пятьдесят. Седые волосы клочьями, выпавшие зубы, глаза ввалились, тело иссохшее... Мы спросили, сколько ей лет, – говорит, девятнадцать. Проверили – точно. «Знаешь, на кого ты похожа? Посмотри в зеркало». Она посмотрела в зеркало и заплакала. Я спросил, давно ли она ширяется.

– Год, – предположил Фред.

– Четыре месяца.

– На улицах сейчас продают такую дрянь... – Фред постарался отогнать образ девятнадцатилетней девчонки с выпавшими волосами. – Смешивают черт знает с чем.

– А рассказать, как она села на препарат? Ее братья, оба толкачи, вошли к ней как-то ночью, заломили руки, сделали укол и изнасиловали. Вдвоем. Так сказать, ввели в новую жизнь.

– Где они сейчас?

– Отбывают по полгода за хранение. У девчонки еще и триппер; она даже не знала, так что и лечить теперь трудно. А братишек это только насмешило.

– Милые ребята.

– А вот это вас проймет наверняка. Слыхали, в фэрфилдском госпитале есть три младенца, которым надо каждый день вкалывать дозу героина. Они такие маленькие, что не смогли бы пережить ломку. Сестра попробовала...

– Меня проняло, – механическим голосом перебил Фред. – Вполне достаточно, благодарю.

Хэнк продолжал:

– Когда представишь себе новорожденного наркомана...

– Достаточно, спасибо, – повторило расплывчатое пятно по имени Фред.

– Как, по-вашему, наказывать мать, которая прикармливает младенца героином, чтобы он не орал?

– Иногда мне хочется сойти с ума. Но я разучился.

– Это утраченное искусство, – вздохнул Хэнк. – Возможно, со временем выпустят инструкцию.

– Был такой фильм в начале семидесятых, о парочке агентов, – сказал Фред. – Во время рейда один из них свихнулся и всех перестрелял, включая своих боссов. Ему было все равно.

– Выходит, хорошо, что вы не знаете, кто я. Можете достать меня только случайно.

– В конце концов, – усмехнулся Фред, – нас всех так или иначе достанут.

– Ну что ж, в каком-то смысле это будет облегчением. Отмучаемся. – Хэнк вновь углубился в свои бумаги. – Так. Джерри Фабин. Этого можно списать. Упокоился в наркоцентре. Говорят, по пути в клинику он жаловался, что за ним день и ночь таскается наемный киллер – маленький, ростом в метр и безногий. Ездит на тележке. Он, мол, до сих пор никому об этом не рассказывал – боялся, что все сдрейфят и бросят его, так что не с кем будет даже поговорить.

– Точно, с Фабином покончено. Я видел его энцефалограмму из клиники.

Всякий раз, сидя напротив Хэнка и докладывая, Фред чувствовал в себе глубокую перемену. Он начинал относиться ко всему рационально, смотрел на происходящее как бы со стороны. О ком бы ни шла речь, что бы ни произошло, ничего не вызывало эмоционального отклика.

Сперва он приписывал это действию костюма-болтуни – физически они с Хэнком никак не чувствовали друг друга. Потом пришел к выводу, что дело не в костюме, а в самой ситуации. Что толку от вовлеченности, если ты обсуждаешь преступления, совершенные людьми, близкими тебе и, как в случае Донны и Лакмена, дорогими? Надо нейтрализовать себя, и они оба делали это – Фред даже в большей степени, чем Хэнк. Они говорили в нейтральных тонах, они нейтрально выглядели, они стали нейтральными.

Потом чувства возвращались, лились потоком... Возмущение, ужас, горе. Кошмарные образы и сцены прокручивались в мозгу, как кино. Внезапно, без всяких анонсов, и со звуком, который ничем нельзя было заглушить.

А пока, сидя за столом, Фред ничего не ощущал. Он мог описать все увиденное с полным безразличием. И что угодно выслушать от Хэнка. Например, он мог запросто сказать: «Донна умирает от гепатита и старается заразить своей иглой как можно больше приятелей. Надо бы надавать ей как следует по башке, чтобы прекратила этим заниматься». О своей собственной девушке... Или: «Вчера Донна наширялась дешевым суррогатом ЛСД, и половина кровеносных сосудов у нее в мозгу полопалась». Или: «Донна мертва». И Хэнк спокойно запишет сообщение, только, может быть, спросит: «У кого она купила дозу?» или: «Где будут похороны? Надо выяснить номера машин и фамилии присутствующих», – и он будет хладнокровно это обсуждать.

Перемена в Аркторе-Фреде была вызвана необходимостью беречь чувства. Пожарные, врачи и гробовщики ведут себя точно так же. Невозможно каждую секунду восклицать и рыдать – сперва изведешь себя, а потом и окружающих. У человека есть предел сил.

Хэнк не навязывал Фреду своего бесстрастия, он как бы «разрешал» перенимать его. Фред это понимал и ценил.

– А как насчет Арктора? – поинтересовался Хэнк.

Каждый агент, находясь в костюме-болтунье, естественно, докладывал и о себе. Иначе его начальник – и весь полицейский аппарат – знал бы, кто такой Фред, несмотря на костюм. «Крысы» в Отделе не преминули бы донести своим, и очень скоро Боб Арктор, куря травку и закидываясь вместе с друзьями, тоже начал бы замечать позади себя какого-нибудь безногого киллера на тележке, причем отнюдь не из галлюцинации, как Джерри Фабин.

– Арктор ведет себя тише воды ниже травы, – сообщил Фред. – Работает у себя на фирме и закидывает пару таблеточек смерти каждый день...

– Сомневаюсь. – Хэнк взял со стола листок. – Мы получили сигнал от информатора, довольно надежного: у Арктора водятся большие деньги. Пришлось поинтересоваться, сколько он получает в своей фирме. Оказывается, совсем немного. А когда спросили почему, то выяснилось, что он вообще работает там неполную неделю.

– Так... – мрачно протянул Фред, понимая, что «большие деньги» – это как раз то, что ему платили в полицейском управлении. Каждую неделю он забирал пачку мелких купюр из специальной машины, замаскированной под автомат для продажи газировки в одном из баров. В основном шло вознаграждение за информацию, которая приводила к арестам и конфискации товара. Иногда суммы бывали довольно солидными – в случае, если удавалось взять крупную партию героина.

– По данным нашего информатора, – продолжал Хэнк, – Арктор частенько таинственным образом исчезает, особенно по вечерам. Вернувшись домой, он ест, а потом под разными предложениями уходит опять, иногда почти сразу. – Человек в костюме-болтунье поднял глаза на Фреда. – Вы замечали что-нибудь подобное? Можете подтвердить? Что это означает?

– Скорее всего, сидит у своей цыпочки, Донны.

– Хм, «скорее всего»... Вы обязаны знать.

– У Донны, точно. Он трахает ее круглые сутки. – Арктору-Фреду было страшно неловко. – Но я проверю и сообщу. Кто информатор? Может, у него зуб на Арктора?

– Откуда я знаю? Это был телефонный звонок. Отпечатка голоса нет – звонивший говорил через какую-то электронную штуковину, самодельную. – Костюм Хэнка издал странный металлический смешок. – Но ее вполне хватило.

– Боже! – возмутился Фред. – Так это же Джим Баррис! Этот вконец ошизевший торчок просто-напросто хочет опустить Арктора. Баррис еще в армии занимался всякой электроникой. Как информатору я бы ему ни на грош не верил.

– Мы не знаем, Баррис ли это, и, кроме того, Баррис – не просто вконец ошизевший торчок. Им особо занимаются несколько людей... Но эти данные вам не нужны, во всяком случае – пока.

– Так или иначе, это один из друзей Арктора, – сказал Фред.

– И донес из мести, без всякого сомнения. Ох уж эти торчки – то и дело стучат друг на дружку. Да, Арктора он, по-видимому, знает довольно близко.

– Верный друг, – криво усмехнулся Фред.

– Ладно, нам это на руку. В конце концов, вы сами занимаетесь тем же.

– Я это делаю не из злобы.

– А из каких соображений?

– Будь я проклят, если знаю, – подумав, сказал Фред.

– Теперь так, Уикса отставляем, – распорядился Хэнк. – Пока главный объект вашего наблюдения – Боб Арктор. У него есть второе имя? Он употребляет инициал...

Фред издал сдавленный механический звук.

– Почему Арктор?

– Тайное финансирование, загадочное времяпрепровождение, множество врагов... Какое у него второе имя? – Хэнк в ожидании занес ручку над листом бумаги.

– Послуэйт.

– Как это пишется?

– Хрен его знает, спросите что полегче.

– Так... Послуэйт... – пробормотал Хэнк, выписывая буквы. – Что за имя, интересно...

– Валлийское, – ответил Фред. Он едва слышал, перед глазами все плыло. – Вы что, собираетесь поставить его квартиру на прослушивание?

– Установим новую голографическую систему, это еще лучше. Думаю, вам понадобятся записи и распечатки. – Хэнк начал писать.

– Видимо, да, – пробормотал Арктор-Фред. Он чувствовал, что отключается, и мечтал о том, чтобы все скорее закончилось. И еще: закинуться бы парой таблеток...

Напротив него бесформенное пятно что-то писало и писало, заполняя бланки и требования на оборудование, с помощью которого он должен будет установить круглосуточное наблюдение за своим собственным домом, за самим собой.

* * *

...Вот уже больше часа Баррис возился с самодельным глушителем, смастеренным из подручных средств стоимостью одиннадцать центов. Он почти добился цели, располагая лишь алюминиевой фольгой и куском пористой резины.

В ночном мраке заднего двора дома Боба Арктора, среди мусорных куч и зарослей кустарника, Баррис готовился произвести пробный выстрел.

– Соседи услышат, – беспокойно проговорил Чарлз Фрек. Он опасливо косился на освещенные окна окрестных домов; должно быть, смотрят себе телик или покуривают травку.

– Здесь сообщают только об убийствах, – сказал Лакмен, держась в стороне.

– Зачем тебе глушитель? – спросил Барриса Фрек. – Глушители запрещены.

– В условиях нашего вырождающегося общества и всеобщей испорченности каждый стоящий человек должен быть постоянно вооружен, – мрачно заявил Баррис. – Для самообороны.

Он прищурил глаза и выстрелил. Раздался дикий грохот, на время оглушивший всех троих. Вдали залаяли собаки.

Баррис с улыбкой стал разворачивать алюминиевую фольгу. Ему, казалось, было забавно.

– Вот так глушитель... – выдавил Чарлз Фрек, ожидая появления полиции. Десятка полицейских машин.

– В данном случае звук скорее усилился, – объяснил Баррис, показывая Лакмену кусок прожженной резины. – Но в принципе я прав.

– Сколько стоит этот пистолет? – спросил Чарлз Фрек. Он никогда не держал пистолета. Несколько раз у него были ножи, но их вечно крали.

– Пустяки, – ответил Баррис. – Подержанный, как этот, – около тридцати долларов. – Он протянул пистолет Фреку, и тот с опаской попятился. – Я продам его тебе, ты обязательно должен иметь оружие, чтобы защищаться от обидчиков.

– Их хоть пруд пруди, – иронично вставил Лакмен. – Видел на днях объявление в «Лос-Анджелес таймс»? Предлагают транзисторный приемник тому, кто удачнее всех обидит Фрека.

– Хочешь, я дам тебе за него тахометр Борга-Уорнера? – предложил Фрек.

– Который ты спер из гаража того парня напротив, – ехидно заметил Лакмен.

– Ну и что, пистолет небось тоже краденый, – обиделся Фрек. Почти все стоящие вещи были когда-нибудь украдены: это лишь указывало на их ценность. – И кроме того, тот парень первым его спер: эта вещь переходила из рук в руки раз пятнадцать. Наверняка очень клевый тахометр.

– Откуда ты знаешь, что он его спер? – ухмыльнулся Лакмен.

– Ха, да у него их восемь штук в гараже, и из всех торчат отрезанные провода. Откуда бы он их еще взял? Может, пошел и купил? Восемь тахометров?

Лакмен повернулся к Баррису:

– Я думал, ты корпишь над цефаскопом. Уже сделал?

– Я не могу сидеть над ним день и ночь: работа очень сложная, – объяснил Баррис. – Мне нужно отдыхать. – Он отрезал перочинным ножиком еще один кусок пористой резины. – Этот будет совершенно бесшумным.

– Боб думает, что ты работаешь над цефаскопом, – пробормотал Лакмен. – Лежит сейчас в постели и думает, а ты тут лупишь из пистолета. Ты ведь сам соглашался с Бобом, что должен отработать долг за квартиру...

– Ага, сейчас... – надулся Баррис. – Тщательная кропотливая работа по реконструкции поврежденной электронной схемы стоит...

– Ладно-ладно, давай стреляй из своего чуда света за одиннадцать центов, – ухмыльнулся Лакмен и рыгнул.

* * *

С меня довольно, думал Боб Арктор.

Он лежал в темной спальне, слепо глядя в потолок. Под подушкой был его полицейский револьвер: он автоматически достал его из-под кровати и положил поближе, когда услышал выстрел в заднем дворе. Чисто машинальное действие, направленное против любой и всяческой опасности.

Но револьвер под подушкой не защитит от такого изощренного коварства, как порча самой дорогой и ценной вещи. Вернувшись домой после доклада Хэнку, Арктор сразу же проверил остальное имущество, особенно машину. В такой ситуации машина – самое главное. Что бы ни происходило, кем бы ни был таинственный враг, следует быть готовым ко всему. Какой-то ополоумевший торчок старается ему нагадить, не попадаясь на глаза. Даже не человек, а скорее ходячий и укрывающийся симптом их образа жизни.

А ведь было время, когда он жил не так. Не надо было прятать под подушкой револьвер, и один псих не стрелял ночью во дворе бог знает с какой целью; а другой псих (впрочем, может, и тот же самый) не ломал невероятно дорогой цефаскоп, который всем приносил радость... В те дни жизнь Роберта Арктора текла иначе: у него была жена как все жены, две маленькие дочурки, приличный дом, чистый и прибранный. Даже газеты всегда подбирали с дорожки и относили в мусорный бак. Иногда их читали... Но однажды, вытаскивая из-под раковины электропечь для попкорна, Арктор ударился головой об угол кухонной полки. Острая боль, такая внезапная и незаслуженная, каким-то образом прочистила ему мозги. Он осознал, что ненавидит не полку – он ненавидит задний дворик с газонокосилкой, гараж, центральное отопление, дорожку перед домом, изгородь, сам проклятый дом и всех, кто в нем живет. Он захотел уйти, он захотел развода. И получил что хотел почти сразу. И вступил постепенно в новую суровую жизнь, где всего этого не было.

Возможно, ему следовало бы пожалеть о своем решении. Однако сожаления он не испытывал. Та жизнь была слишком скучна, слишком предсказуема, слишком безопасна. Все элементы, ее составляющие, находились прямо перед глазами, и ничего неожиданного случиться

не могло. Словно пластиковая лодка, которая будет держаться на плаву вечно, пока наконец не затонет, ко всеобщему тайному облегчению.

Зато в том мрачном мире, где он обитал теперь, в кошмарных неожиданностях, и странных неожиданностях, и, крайне редко, приятных неожиданностях недостатка не было. Случиться могло что угодно. Хотя бы вот варварская порча цефалохромоскопа, единственной отдушины в его жизни. Рассуждая здраво, совершенно бессмысленная. Впрочем, очень мало из того, что происходило долгими темными вечерами, можно было бы назвать здравым в точном смысле этого слова. Загадочный акт мог совершить кто угодно и по самой невероятной причине. Любой человек, которого он знал или встречал. Любой из восьми дюжин всевозможных свихнувшихся шизиков. *Вообще любой,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.